26.89(2)
В 88
4266

1941
Вклю[illegible]
в
каталог
ПРОВЕРЕНО
1939 г.
9[illegible]

18266

R. l

Э. С. ВУЛЬФСОНЪ.

10463
31/III/29

Боснія и Герцеговина.

Изданіе А. С. Панафидиной.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

А. С. ПАНАФИДИНОЙ.

МОСКВА, Лялинъ пер., с. д. Телефонъ 32-87.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Екатерининская, № 2. Тел. 44-76.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги Вульфсонъ Э. С.

ПЕРСЫ въ прошломъ и настоящемъ.

Съ рисунк. М. 1909 г. Ц. 75 к.

Глава I. Возникновеніе Персидскаго Государства.— Киръ — основатель древней Персіи.— Вторженіе Александра Македонскаго и Паденіе Персіи.— Возрожденіе (Сасаниды).— Вторженіе Арабовъ.— Абассиды— Появленіе тюрковъ.— Нашествіе Монголовъ.—Новѣйшая исторія Персіи. **Глава II.** Гдѣ находится Персія—Ея границы и пространство.— Климатъ.— Народонаселеніе. **Глава III.** Чѣмъ занимаются персы.—Земледѣліе и искусственное орошеніе полей.—Скотоводство.—Минеральныя богатства.— Ловля жемчуга.—Торговля Персіи. съ Россіей и Англіей. **Глава IV.** Ученіе Зороастра—древнѣйшая религія персовъ.—Проникновеніе ислама.—Сунниты и шіиты.—Секта бабидовъ.—Праздники и посты.—Персидское духовенство. **Глава V.** Какъ управляется Персія.—Древніе сатрапы и нынѣшніе хакимы.—Подати и налоги.—Военное могущество Персіи.—Судъ и наказанія. **Глава VI.** Тегеранъ и его виды.—Персидскіе улицы и дома.—Дворецъ „царя царей“.—Базаръ.— Одежда и пища у персовъ. **Глава VII.** Сватовство и свадьба у персовъ.—Многоженство.—Семейное положеніе женщины.—Смерть и похороны. **Глава VIII.** Воспитаніе и обученіе.—Низшія школы и медрессе.—Знаменитые персидскіе поэты.

26.89.(4)
91(4)
B88

БОСНІЯ

И

ГЕРЦЕГОВИНА.

Инв. 4266
№ 15829

Сост. Э. С. Вульфсонъ.

МОСКВА.
Изданіе **А. С. Панафидиной**, Лялинъ пер., соб. домъ.
СПБ. Екатерининская, 2.

ПРОВЕРЕНО 1.35 Г.

ГЛАВА I.

Присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи.—Прошлая жизнь этихъ странъ подъ турецкимъ владычествомъ.—Возстанія.—Русско-турецкая война и ея значеніе для босняковъ и герцеговинцевъ.—Австрійское управленіе.

Вся Европа всполошилась... Лихорадочно заработалъ телеграфъ, разнося тревожныя вѣсти изъ страны въ страну. Заскрипѣли перья дипломатовъ [1]), спохватившихся заднимъ числомъ. Въ воздухѣ запахло грозой... Опять народы стоятъ ощетинившись и готовы ополчиться другъ на друга, забывъ завѣты своихъ мудрецовъ, забывъ суровые уроки исторіи. Измученное ухо ужъ какъ бы слышитъ бряцаніе оружія, громъ пушекъ, стонъ раненыхъ—всѣ ужасы новой войны, готовой разразиться надъ усталымъ и безъ того человѣчествомъ... Особенно заволновались маленькія славянскія народности на Балканскомъ полуостровѣ—сербы и черногорцы. Забывъ свою малочисленность и слабость, движи-

---

[1]) Такъ называются лица, вѣдающія дѣло сношенія съ иностранными государствами.

мые лишь силой народнаго подъема и сознаніемъ свой правоты, они, очертя голову, готовы первые ринуться на сильнаго могущественнаго врага...

Но что же, однако, случилось? Кто дерзнулъ нарушить миръ людей и бросить искру, готовую зажечь пожаромъ всю Европу? 23-го сентября 1908 г. въ газетахъ появилась слѣдующая краткая телеграмма изъ Вѣны—столицы Австріи:

„Австро-венгерскіе послы въ Петербургѣ и Берлинѣ прекратили свои отпуски и отправились на свои посты съ цѣлью увѣдомить правительства Россіи и Германіи о рѣшеніи Австро-Венгріи присоединить Боснію и Герцеговину“.

А на другой день появился и указъ австрійскаго императора Франца-Іосифа о формальномъ присоединеніи этихъ провинцій. Вѣсть эта съ быстротою молніи облетѣла всѣ страны и произвела тотъ переполохъ, о которомъ мы только что говорили. Но прежде чѣмъ разсказать почему такъ всполошились сами босняки и герцеговинцы, а за ними и другіе балканскіе славяне, чѣмъ ненавистна имъ Австрія, что взволновало великія европейскія державы — оглянемся на прошлую жизнь этихъ двухъ родственныхъ намъ народовъ и посмотримъ что привело ихъ подъ австрійское владычество.

Боснія и Герцоговина, представляющія нынѣ одну область, еще съ древнихъ временъ служили

На улицѣ Сараева въ день объявленія о присоединеніи Босніи и Герцеговины.

приманкой то для одного, то для другого народа. Многочисленные остатки различныхъ памятниковъ свидѣтельствуютъ о томъ, что когда-то страны эти находились подъ римскимъ владычествомъ, входя въ составъ Иллирики—одной изъ провинцій древней Римской имперіи. Въ IV вѣкѣ послѣ Рождества Христова Босніей и Герцеговиной овладѣваютъ готы [1]) и лишь съ половины VI вѣка впервые стали появляться здѣсь славяне, принадлежавшіе къ сербо-хорватскому племени, которые, однако, окончательно утвердились въ странѣ уже около 610 года при византійскомъ императорѣ Гераклiи.

Вначалѣ Боснія составляла часть Хорватіи [2]) служа яблокомъ раздора между этой послѣдней и Сербіей, которая также предъявляла свои права на эту страну. Но босняки упорно стремились къ самостоятельности и вотъ около X вѣка имъ удалось, наконецъ, образовать отдѣльное банство [3]), хотя и подвластное хорватскому королевству; однако боснійскіе правители (баны) употребляли всѣ усилія, чтобы добиться полной независимости. Не легко это было маленькому свободолюбивому народу и не мало испытаній готовила ему судьба, но

---

[1]) Народъ германскаго происхожденія, игравшій когда-то видную роль какъ въ доисторической жизни Россіи, такъ и въ исторіи великаго переселенія народовъ.

[2]) Нынѣ Хорватія также входитъ въ составъ австро-венгерской монархіи. Ея населеніе — хорваты принадлежатъ къ славянскому племени, ближайшимъ образомъ родственному сербамъ.

[3]) Отъ слова *банъ*, собственно означающее *господинъ*. Такъ назывались правители Босніи, перенявшіе этотъ титулъ у хорватовъ.

впослѣдствіи Боснія все-таки начинаетъ самостоятельную историческую жизнь.

Въ 1180 г. на боснійскій престолъ вступаетъ банъ Кулинъ. Онъ наотрѣзъ отказывается подчиниться, какъ это было до него, венгерскимъ королямъ, къ которымъ перешла въ то время хорватская корона. При этомъ банѣ въ странѣ распространяется такъ называемая Богомильская ересь [1]), которой проникается и самъ Кулинъ, что навлекаетъ на Боснію новыя гоненія.

Въ первой половинѣ XIII вѣка знаменитый въ исторіи римской церкви папа Григорій VII, во имя того самаго Бога, права котораго онъ считалъ себя призваннымъ охранять, безчеловѣчно ополчается на богомиловъ и усердно начинаетъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Босніи. По его настоянію венгерскій король Бела IV обрушивается на несчастную страну, опустошаетъ ее, жестоко избивая жителей цѣлыми массами; но все же значительная часть богомиловъ, подъ главенствомъ своего бана Нинослава, успѣла спастись отъ вѣрной гибели, укрывшись въ лѣсахъ и горахъ. Въ 1245 г. на Боснію идетъ второй крестовый походъ; на этотъ разъ венгерцамъ удается даже низложить на время Нинослава, послѣ того какъ тотъ упорно защищалъ свою страну отъ порабощенія чужеземному игу. Но къ счастью бос-

---

[1]) Еретическое ученіе, просуществовавшее съ X до XVII вѣка.

няковъ, на Венгрію вскорѣ обрушилось монгольское нашестіе — приходилось думать о собственномъ спасеніи, а не о новыхъ завоеваніяхъ. Эта гроза, неожиданно разразившаяся надъ жестокимъ врагомъ, помогла Нинославу вновь вернуть себѣ утраченный престолъ и избавить Боснію отъ чуждой зависимости.

Не долго, однако, наслаждается миромъ измученный народъ: послѣ смерти Нинослава (въ 1250 г.) въ странѣ наступаетъ анархія [1]), а спустя 30 лѣтъ венгерскій король Ладиславъ IV, опять-таки съ благословенія римскаго папы, предпринимаетъ новый походъ противъ еретиковъ. И на этотъ разъ только счастливое мѣстоположеніе страны—ея непроходимыя горы и дремучіе лѣса — избавили богомиловъ отъ полнаго истребленія и жестокое, безчеловѣчное дѣло не было доведено до конца.

Около 1300 г. босніискій банъ Павелъ Бребиръ присоединяетъ къ Босніи и Герцеговину, носившую въ то время названіе Хумской и уже съ начала X столѣтія составлявшую самостоятельное княжество [2]). Впрочемъ хумскіе князья и впослѣдствіи правили почти независимо и только по имени

---

[1]) Безначаліе—когда въ странѣ нѣтъ никакой законной власти.

[2]) Названіе Герцеговины страна эта получила въ 1448 г., когда хумскій князь Стефанъ Вукцичъ сдѣлался данникомъ императора Фридриха III и получилъ отъ него титулъ *герцога*. Слово это жители неправильно произносили *герцегъ*, откуда и пошло названіе *Герцеговина*.

признавали власть боснійскихъ бановъ. Во второй половинѣ XIV вѣка Боснія достигаетъ видпаго благосостоянія подъ главенствомъ Стефана Твердко, провозгласившаго себя королемъ. Этотъ умный правитель, вопреки настойчивымъ совѣтамъ папы и венгерскаго короля, оставилъ въ покоѣ богомиловъ: на ряду съ православными и католиками они пользовались при немъ полной свободой вѣроисповѣданія и тѣ религіозныя распри, которыя до него такъ жестоко раздирали страну, замѣнились теперь благодатнымъ миромъ; вмѣстѣ съ тѣмъ возросло и значеніе Босніи въ глазахъ сосѣднихъ государствъ. Но все это впослѣдствіи не спасаетъ босняковъ отъ потери самостоятельности, которая наступила силою вещей.

Уже незадолго до смерти этого миролюбиваго короля, на боснійской границѣ появились турки. Но вотъ въ 1389 г. наступаютъ событія, имѣвшія роковыя послѣдствія для всѣхъ южныхъ славянъ: произошла несчастная битва при Коссовомъ полѣ и большое царство Сербское покорено было турецкимъ султаномъ Мурадомъ. До 30 тысячъ босняковъ участвовали въ этой битвѣ, желая спасти общее дѣло, но должны были отступить. Единственное что удалось имъ—это удержать пока турокъ отъ вторженія въ Боснію. Но вскорѣ наступили въ странѣ внутреннія раздоры, что, какъ всегда бываетъ, повлекло за собою и ослабленіе народныхъ силъ; этимъ воспользовались турки и бос-

нійскіе короли должны были признать себя данниками турецкаго султана.

И несмотря на это подчиненіе, Босніи все-таки не удается уйти изъ рукъ врага и спастись отъ окончательнаго разгрома: возгорѣвшаяся во второй половинѣ XV вѣка война между венграми и турками изъ-за обладанія этой страной, окончилась плачевно для босняковъ. Венгры были разбиты на голову, а послѣдній босніійскій король Стефанъ VII Ѳомичъ, также выступавшій противъ турокъ, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ по приказанію султана. Это было въ 1463 г. Какъ разрушительный смерчъ турки пронеслись по странѣ, и послѣ жестокаго опустошенія Боснія, а съ нею и Герцеговина обращены были въ турецкія провинціи. При этомъ 30 тысячъ босніійскихъ мальчиковъ обращены были въ магометанскую вѣру и зачислены въ корпусъ янычаровъ [1]).

Теперь вся дальнѣйшая судьба двухъ присоединенныхъ странъ зависѣла отъ сплоченности и единодушія населенія: если бы весь народъ шелъ заодно, оставалась бы хотя надежда на избавленіе отъ ненавистнаго турецкаго ига въ будущемъ. Но этого то именно и не случилось: произошелъ

---

[1]) Такъ называлось турецкое войско, учрежденное султаномъ Урханомъ въ XIV столѣтіи сначала изъ военноплѣнныхъ, а позднѣе и изъ насильно набранныхъ дѣтей христіанъ. Впослѣдствіи янычары забрали такую власть въ странѣ, что по своему усмотрѣнію возводили и низводили султановъ. Въ 1826 г. войско это уничтожено Махмудомъ II.

тотъ пагубный расколъ, который рѣшилъ участь Босніи и Герцеговины и отнялъ всякую возможность вернуться къ прежней независимости. Большинство имепитой знати, не желая поступиться своимъ имуществомъ и выгоднымъ положеніемъ, *потурчилось*, т.-е. перешло въ магометанскую вѣру и стало усердно служить турецкимъ властямъ, сохранивъ однако свой славянскій языкъ, свое прежнее земельное и военное устройство. Напротивъ того—простой народъ выдержалъ искусъ и остался вѣренъ христіанской религіи. Такимъ образомъ высшіе слои населенія, въ угоду жизненнымъ благамъ, откололись отъ низшихъ, измѣнили завѣтамъ предковъ и пошли своей отдѣльной дорогой. Правда, потомки потурченныхъ боснійскихъ родовъ, которые назывались уже теперь *бегами* и *агами* [1])—пользовались видной самостоятельностью, но народное дѣло погибло.

Съ конца XVII вѣка и вплоть до 1791 г. пошли безпрерывныя войны между Австріей и Турціей, закончившіяся Систовскимъ миромъ [2]). Тутъ боснійскіе беги сдѣлали-было попытку сбросить съ себя чуждое иго и стали оказывать открытое неповиновеніе турецкимъ властямъ. Одно время торжество ихъ казалось даже близкимъ... Это было въ 1831 г., когда вспыхнуло знаменитое босній-

---

[1]) *Бегами* назывались болѣе крупные землевладѣльцы, болѣе мелкіе—*агами*.

[2]) *Систово*—городъ въ Болгаріи на правомъ берегу Дуная.

ское возстаніе подъ начальствомъ капетана [1]) Гуссейна. Этотъ „боснякскій змѣй“, какъ его прозвали турки, разбилъ высланное противъ него турецкое войско и такъ успѣшно повелъ дѣло, что одно время нагналъ-было страхъ и на самого султана. Казалось Боснія ускользала изъ-подъ его власти и вотъ онъ напрягъ послѣднія силы: собравъ 60-тысячное войско, султанъ вручаетъ командованіе надъ нимъ Карѣ-Махмуду и приказываетъ усмирить дерзкаго боснійскаго вождя. Тутъ Гуссейнъ не устоялъ противъ такой многочисленной рати и бѣжалъ въ Австрію, а разрозненнымъ мятежникамъ волей-неволей пришлось уступить военной силѣ.... Любопытно, что во время этого возстанія герцеговинская знать стала на сторону султана, помогая его войскамъ усмирять босняковъ. Однако Боснія не успокоилась и послѣ этого пораженія: не разъ охватывали ее бурныя волненія, то вызванныя бѣдственнымъ положеніемъ сельскаго населенія, принужденнаго отдавать третью часть урожая своимъ бегамъ, то мусульманской знатью, возстававшей противъ произвола хищныхъ турецкихъ чиновниковъ. Пробовали христіане-земледѣльцы и мирныя средства: не разъ выбирали они изъ своей среды уважаемыхъ лицъ и снаряжали депутаціи [2])

---

[1]) Такъ назывались въ то время лица, управлявшія отдѣльными округами и городами. Власть капетановъ сохранялась за старинными знатными родами и переходила по наслѣдству отъ отца къ сыну.

[2]) Собраніе выборныхъ, ходатайствующихъ о какомъ-нибудь дѣлѣ

въ Константинополь [1]) къ султану и къ австрійскому императору въ Вѣну, прося о заступничествѣ; но всѣ эти ходатайства мало облегчали ихъ угнетенное положеніе и время отъ времени несчастные босняки и герцеговинцы теряли терпѣніе и брались за оружіе.

Въ іюнѣ 1875 г. вспыхнуло бурное возстаніе въ Герцеговинѣ, а въ августѣ поднялась и Боснія, гдѣ во главѣ шло католическое духовенство, тайно подстрекаемое и поддерживаемое Австріей. Это знаменитое возстаніе перекинулось и на слѣдующій 1876 г. и въ концѣ концовъ вовлекло Турцію въ войну съ сербами и черногорцами. Вскорѣ вспыхнули волненія и въ Южной Болгаріи, гдѣ турки устроили безчеловѣчную жестокую рѣзню. Тутъ уже не выдержала и Россія—эта естественная защитница славянъ—и послѣ тщетныхъ попытокъ добиться у султана исполненія своихъ справедливыхъ требованій, въ апрѣлѣ 1877 г. объявила Турціи войну. У многихъ изъ современниковъ еще на памяти эта война съ ея бурнымъ народнымъ подъемомъ, когда тысячи юношей бросали свои занятія, отказывались отъ ученья, и устремлялись добровольцами за Дунай, чтобы послужить дѣлу освобожденія своихъ братьевъ-славянъ.

Но вотъ кончилась, наконецъ, война и 19-го февраля 1878 г. подписанъ былъ такъ называемый

---

[1]) Столица Турціи.

Санъ-Стефанскій договоръ [1]), согласно которому Боснія и Герцеговина должны были получить самоуправленіе и христіанскаго губернатора. Однако вскорѣ, по настоянію Австріи, въ Берлинѣ собрался конгрессъ [2]) изъ представителей Англіи, Германіи, Италіи, Австріи, Франціи, Россіи и Турціи; тутъ плоды русскихъ побѣдъ были урѣзаны на много. Австрія, не только всегда сочувствовавшая всѣмъ смутамъ въ Босніи и Герцеговинѣ, но тайно не перестававшая подстрекать къ нимъ населеніе, теперь надѣла на себя личину доброжелательницы: она стала жаловаться великимъ державамъ на слабость султана, неспособнаго водворить порядокъ въ этихъ двухъ областяхъ, на тотъ ущербъ, который наносятъ ей непрестанныя волненія въ нихъ и, наконецъ, присовѣтовала возложить дѣло умиротворенія на какую-либо изъ великихъ европейскихъ державъ. Хитрая уловка удалась и статья 25-ая Берлинскаго трактата (договора), оставляя на бумагѣ верховенство за султаномъ, предоставила, однако, водвореніе порядка въ этихъ двухъ областяхъ Австро-Венгріи, для чего она получила право ввести въ нихъ свои гарнизоны.... [3]) И вотъ

---

[1]) *Санъ-Стефано*—небольшой турецкій портъ на Мраморномъ морѣ.

[2]) Такъ называется съѣздъ государей или ихъ уполномоченныхъ для рѣшенія международныхъ вопросовъ.

[3]) Вотъ что гласитъ эта знаменитая 25-я статья:

„Провинціи Боснія и Герцеговина будутъ заняты и управляемы Австро-Венгріей.

„Такъ какъ правительство Австро-Венгріи не желаетъ занять

ровно черезъ мѣсяцъ—14-го іюля 1878 г.—австрійскія войска перешли границу Босніи.

Но свободолюбивый народъ, у котораго не сочли даже нужнымъ справиться—предпочитаетъ ли онъ австрійское владычество турецкому—порѣшилъ не сдаваться легко: мѣстные беги образовали такъ называемую боснійскую лигу [1]), которая оказала упорное сопротивленіе австрійскимъ войскамъ, явившимся подъ начальствомъ генерала Филипповича. Несмотря на превосходство этихъ силъ пришлось выслать еще значительное подкрѣпленіе, чтобы сломить, наконецъ, упорство босняковъ. Не въ качествѣ друзей, желавшихъ лишь избавить угнетенный народъ отъ оттоманскаго ига, пришли въ Боснію австрійцы: они явились, какъ истые завоеватели—съ ружьями и пушками; города подвергались опустошительнымъ бомбардировкамъ, на улицахъ происходили жаркія рукопашныя схватки, усѣивавшія ихъ трупами тѣхъ, о чьей выгодѣ

санджакъ (округъ) Новый Базаръ, расположенный между Сербіей и Черногоріей на югѣ-востокѣ отъ Митровицы, то тамъ должно оставаться въ силѣ оттоманское управленіе. Однако въ цѣляхъ сохраненія новаго политическаго строя, а также для обезпеченія свободы и безопасности путей сообщенія, Австро-Венгрія сохраняетъ за собою право содержать свои гарнизоны и имѣть стратегическіе и торговые пути сообщенія на всемъ протяженіи этой части бывшаго вилайэта (провинціи) Босніи.

„О подробностяхъ по этому вопросу предоставляется правительствамъ Австро-Венгріи и Турціи войти въ обоюдное соглашеніе“.

[1]) *Лигой* называется союзъ для защиты противъ общаго врага, или для нападенія на него, когда союзниковъ связываютъ какіе-либо общіе интересы.

только и хлопотали будто бы австрійцы... И если бы не огромная численность ихъ войскъ, не побѣдить бы имъ въ этихъ незнакомыхъ горахъ и долинахъ храбрыхъ босняковъ, сильныхъ своимъ мощнымъ народнымъ подъемомъ. Что же касается Герцеговины, то тутъ новымъ пришельцамъ болѣе посчастливилось: австрійскій отрядъ подъ начальствомъ генерала Іованповича занялъ эту область почти безъ всякаго сопротивленія.

Итакъ, мы подошли теперь уже къ новѣйшей исторіи двухъ занимающихъ насъ провинцій. Какъ же, однако, исполнила Австрія возложенное на нее Европой порученіе? Внесла ли она за свое тридцатилѣтнее управленіе этими областями миръ и справедливость, благоденствуютъ ли нынѣ босняки и герцеговинцы? Увы, всѣ австрійскія обѣщанія такъ и остались обѣщаніями... И XX вѣкъ застаетъ въ Босніи и Герцеговинѣ ту же земельную неурядицу, ту же неправду, какъ и во времена турецкаго хозяйничанья...

Когда на Берлинскомъ конгрессѣ австрійскій уполномоченный, графъ Андраши, старался склонить остальныхъ въ пользу своего государства, то онъ говорилъ, что причиной непрестанныхъ волненій въ Босніи и Герцеговинѣ является, главнымъ образомъ, земельное неустройство населенія. Султану, говорилъ онъ, никогда не разрѣшить этого вопроса, Австрія же смѣло возьмется за него и осчастливитъ обездоленный народъ... И что же мы

видимъ? На протяженіе цѣлыхъ 30 лѣтъ, она, добившись своего, не только не выполнила этого обѣщанія, но даже еще и не приступила какъ слѣдуетъ къ упорядоченію земельнаго вопроса. Теперь уже самые снисходительные люди могли убѣдиться, что Австріей руководили лишь свои корыстныя цѣли: ей хотѣлось только прочнѣе укрѣпиться на Балканскомъ полуостровѣ, и не давъ Босніи и Герцеговинѣ возсоединиться въ будущемъ съ Сербіей, нанести тѣмъ чувствительный ударъ всему дѣлу славянства.

Хотя жители усмиренныхъ провинцій принадлежали къ тремъ различнымъ религіямъ — православной, католической и магометанской — но по происхожденію и языку всѣ они одинаково были сербами. Австрія, однако, отнеслась различно къ нимъ: на немногочисленныхъ туземцевъ-католиковъ, какъ на своихъ единовѣрцевъ, она смѣло разсчитывала; жителей-магометанъ она тоже не опасалась особенно, зная ихъ покорность судьбѣ, внушенную имъ ученіемъ Магомета, и надѣясь, на случай, успокоить ихъ мелкими подачками. Оставалось самое многочисленное и самое непокорное населеніе—православные; ихъ то больше всего и страшилась Австрія. Сильные своей вѣрой, одушевленные пламеннымъ стремленіемъ къ свободѣ и независимости, они одни поняли скрытые замыслы своихъ новыхъ притѣснителей и навлекли на себя наибольшія гоненія.

4266

Правда, мимолетному наблюдателю, проѣхавшемуся по Босніи и Герцеговинѣ, могло показаться, пожалуй, что Австрія дѣйствительно облагодѣтельствовала славянъ: она построила желѣзныя дороги, фабрики, украсила даже памятниками города; но все это дѣлалось на деньги, взятыя съ того же усмиреннаго народа, и не только не уменьшало его бѣдности, но напротивъ еще больше увеличивало ее. Съ 1881 г. австрійское правительство измѣнило систему управленія страной, задумавъ совсѣмъ подчинить ее себѣ. Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣло шпіонство, тайные агенты такъ и наводнили область. Былъ изданъ и новый законъ о всеобщей воинской повинности, и все это вмѣстѣ взятое въ связи съ бѣдностью народа снова привело къ открытому возмущенію. Но австрійскіе пули и штыки и тутъ пересилили справедливость и подавили народное недовольство. Не разъ жители прибѣгали къ послѣднему прибѣжищу: они обращались съ заявленіями къ самому императору... Но толку отъ этого было мало: боснійское правительство получало лишь новыя похвалы, а народъ оставался все въ томъ же угнетенномъ положеніи. Образованіе стоитъ очень низко въ странѣ—и понынѣ еще большой процентъ населенія не знаетъ даже простой грамоты, а ужъ о развитіи боспійской литературы и говорить нечего. А съ 1885 г. Австрія придумала и новое бѣдствіе для славянъ: она стала переселять къ нимъ

нѣмцевъ, хотя пока что затѣя эта прививается туго.

Такъ вотъ чѣмъ ознаменовалось управленіе Австріи двумя провинціями, порученными ей 30 лѣтъ тому назадъ довѣрчивой Европой. И только недавно она раскрыла карты и обнаружила свои истинныя цѣли: когда во второй половинѣ 1908 г. года въ Турціи началось освободительное движеніе и она всецѣло поглощена была своими внутренними дѣлами — Австрія неожиданно оповѣстила Европу, что Боснія и Герцеговина окончательно присоединены къ ея владѣніямъ... Моментъ былъ выбранъ какъ нельзя болѣе удачный: ослабленная недавней войной и только что пережитыми внутренними бурями — Россія не въ силахъ была встать грудью въ защиту славянъ; Германія, какъ вѣрная союзница Австріи, посмотрѣла, конечно, сквозь пальцы на это дерзкое нарушеніе международнаго права: вѣдь ослабить славянство, чтобы проложить дорогу нѣмцамъ на руку и ей; остальныя же державы, участвовавшія когда-то въ Берлинскомъ конгрессѣ, не настолько горячо заинтересованы теперь, что бы взять на себя рискъ войны, которая охватила бы пожаромъ всю Европу. Заволновались больше всѣхъ сербы и черногорцы, какъ самыя близкія по родству и сосѣдству народности. Ихъ правителямъ требовалось вначалѣ страшныхъ усилій, чтобы сдержать потокъ народнаго негодованія и не дать ему

вылиться въ безразсудные поступки... Съ утра до ночи народъ требовалъ войны съ австрійцами, предлагая свою жизнь и достояніе на защиту обиженныхъ братьевъ. Потомъ дѣло приняло болѣе спокойный оборотъ: пошли переговоры о созывѣ новаго совѣщанія изъ представителей тѣхъ державъ, которые участвовали 30 лѣтъ тому назадъ на Берлинскомъ конгрессѣ, чтобы полюбовно обсудить созданное Австріей новое положеніе. Но какъ бы тамъ ни было, участь Босніи и Герцеговины рѣшена безповоротно: Турція волей-неволей примирится съ окончательной утратой правъ на эту область за извѣстное вознагражденіе: вѣдь и безъ того права эти существовали только на бумагѣ и вершалъ дѣла не султанъ, а австрійское правительство съ императоромъ Францъ-Іосифомъ во главѣ. Быть можетъ перепадетъ что-нибудь и на долю Сербіи съ Черногоріей, чтобы усыпить ихъ кровную обиду. Но повторяемъ: боснякамъ и герцеговинцамъ не видать больше самостоятельности, надежду на которую окончательно отнялъ у нихъ день 24-го сентября 1908 года.

Воздадимъ же имъ дань братскаго сочувствія и подойдемъ поближе, чтобы познакомиться съ ихъ жизнью, нравами и обычаями. Перенесемся, читатель, въ этотъ далекій, вѣками обиженный уголокъ Балканскаго полуострова, и посмотримъ какъ живутъ эти родственныя намъ славянскія народности.

ГЛАВА II.

Гдѣ находятся Боснія и Герцеговина?—Границы области.—Поверхность.—Климатъ.—Народонаселеніе.—Занятіе жителей.

Какъ мы уже знаемъ, Боснія и Герцеговина въ смыслѣ управленія представляютъ нынѣ одну область и находятся на Балканскомъ полуостровѣ. На сѣверѣ границы ея составляютъ также австрійскія владѣнія—Славонія и Хорватія, отдѣляющіяся отъ Босніи рѣками Савой и Унной; на востокѣ—Сербія, отъ которой ее отдѣляетъ рѣка Дрина; на юго-востокѣ—Ново-Базарскій санджакъ, принадлежащій Турціи; на югѣ—Черногорія, и на западѣ—Далмація, опять-таки принадлежащая Австріи. Такимъ образомъ мы видимъ, что босняки и герцеговинцы находятся какъ бы въ самомъ сердцѣ славянскихъ народностей: родственные имъ сербы и черногорцы, хорваты, словенцы и кроаты окружаютъ ихъ почти со всѣхъ сторонъ.

Пространство области равняется 51.109 кв. километровъ[1]); поверхность ея преимущественно гористая: она покрыта отрогами Динарскихъ Альпъ, которые возвышаются то цѣлыми группами, то отдѣльными вершинами. Изъ послѣднихъ самыя высокія—Тресковица, находящаяся на юго-запа-

---

[1]) 44.204 квадратныхъ версты.

дѣ отъ столицы Босніи—Сараева и достигающая 2.128 метровъ, и Вѣлашница—2115 м. Всѣ эти горы состоятъ изъ известковыхъ скалъ, имѣютъ неправильныя очертанія и разбросаны по направленію къ Адріатическому морю. Величественную картину представляютъ онѣ съ гнѣздящимися на нихъ сотнями орловъ; мѣстами онѣ тянутся съ двухъ сторонъ, образуя красивыя, живописныя ущелья. Подъ вліяніемъ вывѣтриванія откосы многихъ горъ приняли самыя причудливыя формы: вотъ точно необъятная львиная голова появилась среди дубовъ, а вонъ подальше—какъ бы огромный столъ на тонкой подставкѣ. Смотришь и кажется, что вотъ-вотъ подломится подставка и столъ разомъ рухнетъ и разсыплется въ прахъ... А тамъ поотдаль высятся словно грибы-великаны или огромные лежащіе другъ на другѣ круглые сыры —словомъ, рѣдко встрѣтить такія причудливыя, красивыя мѣста. Благодаря гористой поверхности повозка почти неизвѣстна въ странѣ, а все перевозится на вьючныхъ животныхъ. Исключеніе составляетъ Посавина—сѣверо-восточный округъ, граничащій съ судоходною Савой и Сербіей: тутъ имѣются довольно обширныя равнины. Въ другихъ же мѣстахъ даже *дрова на рынки доставляются вьючнымъ способомъ*, при чемъ разъ молодое животное попало подъ вьючное сѣдло—оно уже не разстается съ нимъ ни на пастбищѣ, ни въ конюшнѣ, и такъ до самой смерти.

Воды Босніи и Герцеговины принадлежатъ къ двумъ бассейнамъ—Чернаго и Адріатическаго морей, а водораздѣломъ ихъ служитъ горный поясъ приблизительно въ 350 верстъ (до 70 часовъ пути). Главная рѣка—судоходная Сава, являющая-

Продавецъ дровъ.

ся однимъ изъ самыхъ важныхъ путей сообщенія въ странѣ,—по ней ходятъ пароходы и барки; наиболѣе значительные притоки ея—Унна, Вербасъ, Укрина, Босна и Дрина, изъ которыхъ судоходна лишь одна Унна и то только для болѣе

мелкихъ судовъ. Высокіе берега Савы мѣшаютъ разливамъ рѣки и только близъ устья Вербаса и между устьями Босны и Дрины, гдѣ горы далеко отступаютъ отъ береговъ, бываютъ довольно частыя и продолжительныя наводненія. Кромѣ перечисленныхъ рѣкъ, принадлежащихъ къ бассейну Чернаго моря, стоитъ упомянуть еще довольно значительную Неретву, впадающую въ Адріатическое море. Въ ней, подъ усѣивающими ее громадными подводными камнями, водятся въ изобиліи великолѣпныя форели [1]).

Какъ и во всѣхъ горныхъ мѣстахъ, климатъ Босніи чрезвычайно неровный. Въ юго-западной части, напримѣръ, зима короткая, морозы рѣдки, снѣга выпадаетъ мало, при чемъ онъ быстро таетъ; но зато часто свирѣпствуютъ вѣтры—въ особенности *бора* и *сирокко* [2]). Порывы ихъ такъ сильны, что порою уничтожаютъ цѣлыя стада и угрожаютъ жизни путешественниковъ. Лѣтомъ сильные жары. Въ сѣверо-восточной части области климатъ гораздо холоднѣе: здѣсь зима въ горахъ длится до 8 мѣсяцевъ и морозы доходятъ порою до 16°; зато вѣтеръ является рѣдкимъ гостемъ, а число снѣжныхъ и дождливыхъ дней въ году довольно

---

[1]) Порода рыбъ, принадлежащая къ семейству семгъ, и отличающаяся замѣчательно вкуснымъ мясомъ.

[2]) *Бора*—чрезвычайно сильный, холодный порывистый вѣтеръ, часто дующій у восточныхъ береговъ Чернаго и Адріатическаго морей, главнымъ образомъ съ октября по апрѣль. *Сирокко*—влажный теплый вѣтеръ, дующій съ моря.

значительно. Лѣтомъ жары не превышаютъ 25 28°. Въ общемъ можно сказать, что несмотря на частыя и рѣзкія перемѣны температуры [1]), климатъ этого края вполнѣ здоровый.

Что касается народонаселенія, то по переписи 1895 г. въ Босніи и Герцеговинѣ насчитывается 1.568.092 чел. Какъ мы уже упоминали, большая часть жителей принадлежитъ къ сербскому племени, поселившемуся здѣсь еще вначалѣ VII вѣка. Народнымъ языкомъ является сербскій; по-нѣмецки, какъ въ былое время по-турецки, говорятъ лишь пришлые австрійскіе чиновники и военные, самъ же народъ относится враждебно къ этому языку, называя его *њемче* (нѣмой). По вѣроисповѣданіямъ жители раздѣляются такимъ образомъ:

Православныхъ.	673.246
Мусульманъ	548.632
Католиковъ	334.142
Евреевъ.	8.213
Прочихъ вѣроисповѣданій	3.859
Всего . .	1.568.092

Слѣдуетъ, однако, помнить, что природныхъ мусульманъ въ краѣ очень мало; почти всѣ они—тѣ же сербы, принявшіе когда-то исламъ. Евреи здѣсь — выходцы изъ Испаніи, такъ называемые *шпаньолы*; они до сихъ поръ еще говорятъ по-испански. По этой же переписи во всей области насчитывается 47 городовъ, 31 село и 533 деревни.

---

[1]) *Температурой* называется степень теплоты или холода какого-нибудь тѣла, какъ, напр., воздуха, воды и т. д.

Главное занятіе жителей—земледѣліе и скотоводство; до 88% населенія занимается здѣсь земледѣліемъ. Но въ то время, какъ почва Босніи весьма плодородна, въ Герцеговинѣ лишь половина земли находится подъ пашнями, пастбищами, лѣсами, садами и виноградниками; все остальное представляется неудобнымъ для земледѣлія. Вотъ почему герцеговинцамъ не хватаетъ своего хлѣба и имъ приходится прикупать его у сосѣдей, тогда какъ Боснія производитъ его въ такомъ количествѣ, что излишекъ ежегодно вывозится еще и за границу.

Земельный вопросъ въ краѣ уже издавна служитъ причиной недовольства большинства жителей. Въ этомъ отношеніи, какъ мы уже говорили выше, австрійское правительство, несмотря на свои многорѣчивыя обѣщанія, сдѣлало очень мало, и въ странѣ почти все осталось такъ же, какъ было и при турецкомъ хозяйничаньѣ. Уже издавна земля принадлежитъ здѣсь казнѣ, мусульманскимъ духовнымъ учрежденіямъ или *вакуфамъ*, и наконецъ, помѣщикамъ - мусульманамъ — бегамъ и агамъ. Эти потомки потурчившихся когда-то знатныхъ сербскихъ родовъ до сихъ поръ еще владѣютъ огромными помѣстьями въ странѣ, и это несмотря на то, что по мусульманскимъ законамъ источникомъ собственности считается только трудъ. „Животворящій мертвую землю,—говоритъ знаменитый арабскій законовѣдъ Сиди-Келиль,—стано-

вится черезъ это ея собственникомъ. Когда же исчезли слѣды прежняго занятія земли, то тотъ, кто снова оживитъ почву, тотъ и пріобрѣтаетъ ее“. Эти замѣчательныя и глубоко справедливыя слова на дѣлѣ остаются, однако, здѣсь мертвой буквой, такъ какъ главные труженики земли—христіанское населеніе—почти вовсе лишено соб-

Богатый сербъ-магометанинъ.

ственности, а арендуетъ ее у помѣщиковъ-мусульманъ, причемъ за право пользованія землей принуждено отправлять разныя повинности.

Для того, чтобы уразумѣть какъ слѣдуетъ отношенія между бегами и агами и ихъ арендаторами-христіанами, надо вспомнить, что несмотря

на кровное родство, различіе религій рѣзко раздѣлило ихъ на два лагеря. До-нельзя преданные исламу, эти помѣщики-магометане хотя и говорили на одномъ языкѣ съ христіанскимъ населеніемъ. по смотрѣли на него какъ на низшія существа— родъ рабовъ, которыхъ они называли *кметами* или просто *райей* (рабочій скотъ). Въ первой половинѣ прошлаго вѣка кметы обязаны были доставлять собственникамъ десятую часть урожая *на мѣстѣ*, т.-е. не перевозя его въ жилище своихъ господъ; еще одну десятую часть они въ видѣ налога отдавали государству. Но съ теченіемъ времени помѣщики становились все требовательнѣе, стали до-нельзя притѣснять арендаторовъ, требуя съ нихъ то треть, то даже половину всѣхъ продуктовъ, съ обязательствомъ уже доставлять ихъ на домъ, да еще два или три дня барщины въ недѣлю... Постепенно дѣло дошло до того, что несчастнымъ земледѣльцамъ изъ ихъ кровнаго труда оставляли ровно столько, сколько нужно было для поддержанія жизни. Нерѣдко случалось, что въ зимы, послѣ большихъ неурожаевъ, они прямо умирали съ голоду. И вотъ, доведенные до отчаянія, многіе бросали родину и уходили къ австрійцамъ. Уже съ 1840 г. Австрія стала обращать на это вниманіе Турціи, которая предписывала губернаторамъ приходить на помощь кметамъ. Но все это оставалось лишь на бумагѣ и несчастнымъ труженикамъ, потерявшимъ терпѣніе,

представлялся одинъ выходъ—поголовное возстаніе. Въ 1850 г., когда Омеръ-Паша усмирилъ одно изъ такихъ бурныхъ возстаній, былъ изданъ, наконецъ, законъ, на которомъ и до сихъ поръ зиждется поземельный строй въ краѣ. Прежде всего совершенно запрещена была барщина; далѣе, поборы съ кмета натурою доведены были до половины урожая, если собственникъ давалъ ему необходимыя постройки, рабочій скотъ и земледѣльческія орудія; если же арендаторъ велъ хозяйство на свои средства, то такіе поборы составляли лишь одну треть—такъ наз. *третину*. Но половина сѣна во всякомъ случаѣ принадлежала хозяину; послѣдній же долженъ былъ взять на себя треть налога на домъ своего арендатора. Въ округахъ малоплодородныхъ кметы платили лишь четверть, пятую или шестую часть всего урожая. Помѣщикъ не имѣлъ права согнать съ земли арендатора, пока тотъ выполнялъ всѣ свои обязательства; послѣдній же могъ по своему желанію перейти и къ другому собственнику. Нечего говорить, что на самомъ дѣлѣ это было неосуществимо, такъ какъ идти было некуда: кто же изъ помѣщиковъ-мусульманъ принялъ бы къ себѣ такого бѣглеца? Этотъ же новый законъ разрѣшалъ христіанамъ пріобрѣтать землю въ собственность, но и это было лишь жалкой насмѣшкой надъ выбивавшимся изъ силъ кметомъ: развѣ неумолимый богъ оставлялъ ему столько средствъ, чтобы онъ могъ обза-

вестись своей землей!... Что же касается *десятины*, слѣдовавшей государству, то она была уменьшена еще раньше этихъ новыхъ льготъ.

Нечего говорить, что законъ этотъ устанавливалъ болѣе справедливый строй и могъ бы положить конецъ безпредѣльнымъ страданіямъ обездоленныхъ арендаторовъ, если бы онъ исполнялся на самомъ дѣлѣ. Но съ нимъ случилось тоже, что бываетъ и со всякимъ хорошимъ закономъ въ государствѣ, гдѣ нѣтъ прочнаго и законнаго порядка. Въ этихъ новыхъ правахъ, дарованныхъ христіанамъ-земледѣльцамъ, беги увидали похищеніе своихъ собственныхъ исконныхъ правъ, пришли въ ярость, и стали еще больше обирать крестьянъ, еще безжалостнѣе относиться къ нимъ. Положеніе христіанъ вмѣсто того, чтобы улучшиться, сдѣлалось еще невыносимѣе и отсюда-то пошли тѣ памятныя еще многимъ современникамъ волненія, которыя привели, наконецъ, къ русско-турецкой войнѣ и такъ неожиданно измѣнили не только судьбу Босніи и Герцеговины, но и положеніе всего Балканскаго полуострова. Народное творчество увѣковѣчило память о тѣхъ неисчислимыхъ бѣдствіяхъ, которыя претерпѣвали христіане въ разсѣянныхъ деревняхъ Босніи: по вечерамъ, на посидѣлкахъ, подъ звуки гуслей эти обездоленные славяне изливали въ прочувствованныхъ юнацкихъ [1]) пѣсняхъ, свои страданія и муки, свои надежды и мечты...

[1]) *Юнакъ*—герой, удалецъ.

Посмотримъ теперь какъ обстоитъ дѣло при австрійскомъ владычествѣ. Къ сожалѣнію положеніе кметовъ мало измѣнилось отъ того, что вмѣсто ту-

Гусляръ.

рецкихъ стали править ими австрійскіе чиновники. По закону всѣ расходы по управленію страной должны покрываться исключительно изъ доходовъ съ нея же—вотъ почему власти неумолимы въ дѣлѣ взысканія податей, при чемъ берется не натурой,

а деньгами и не только съ хлѣба, но и съ овощей, плодовъ — словомъ, со всѣхъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ. Хотя и австрійцы сохранили прежнюю турецкую десятину съ дохода арендатора, но на самомъ дѣлѣ и тутъ берется гораздо больше, такъ какъ при раскладкѣ податей въ разсчетъ принимается не годовой сборъ хлѣбовъ, а та сумма, которую правительство уже заранѣе положило взыскать съ населенія, чтобы покрыть расходы даннаго года.

Дѣлается это обыкновенно такъ: въ каждомъ округѣ мѣстное начальство собираетъ комиссіи, которыя уже и опредѣляютъ сколько надо взыскать съ арендаторовъ. Въ каждую такую комиссію входятъ 4 члена: 1) казенный сборщикъ или *десетаръ*—онъ оцѣниваетъ урожай и говоритъ сколько примѣрно слѣдуетъ взыскать съ кметовъ; 2) представитель мѣстной власти; 3) ага или его повѣренный и, наконецъ, 4) выборный отъ арендаторовъ. Хотя по закону дѣло рѣшаютъ три послѣднихъ члена, которые должны обсудить оцѣнку, сдѣланную десетаромъ и придти къ опредѣленному соглашенію, но на самомъ дѣлѣ все происходитъ какъ разъ наоборотъ: сторону десетара всегда держитъ ага—ему вѣдь это и самому на руку и выгодно жить въ ладу съ начальствомъ; къ нимъ, конечно, примыкаетъ и представитель мѣстной власти. Остаётся, стало быть, одинъ арендаторъ, но ужъ его-то голосъ меньше всего принимается во вни-

маніе. Слѣдовательно, въ раскладкѣ податей все зависитъ отъ десетара, и если мы прибавимъ, что этотъ маленькій чиновникъ служитъ у правительства не на жалованьѣ, а получаетъ извѣстный процентъ [1]) съ взысканной суммы—то понятно будетъ почему онъ старается взять какъ можно больше съ арендатора: и казнѣ доходъ и самому выгодно. Кромѣ того, десетаръ берется только на одинъ годъ, хотя на самомъ дѣлѣ работа его длится не больше двухъ мѣсяцевъ, и не угодишь казнѣ—не возьмутъ на слѣдующій. Вотъ почему честный человѣкъ рѣдко пойдетъ на такое мѣсто, особенно еще въ своемъ округѣ. Да и само правительство поощряетъ своихъ исполнителей къ незаконному повышенію налоговъ. Вотъ, напримѣръ, какъ говорится въ одномъ изъ приказовъ по этому дѣлу:

„Правительство съ увѣренностью ожидаетъ отъ властей, коимъ поручено распредѣленіе и взиманіе податей, что онѣ не преминутъ повысить *доходность* налога“ [2]). Нечего говорить, что власти не не скупятся на чужія деньги и ретиво исполняютъ приказы свыше. Въ итогѣ доходы казны въ Босніи и Герцеговинѣ все увеличиваются, а народъ все бѣднѣетъ да бѣднѣетъ...

---

1) До 1883 г. десетары служили на жалованьѣ, а потомъ стали получать лишь 4% съ взысканной суммы. Черезъ два года процентъ этотъ повысился до 5, въ 1887 г.—до 5½, а теперь такой казенный оцѣнщикъ получаетъ уже 6%.

2) Приказъ отъ 4-го іюня 1886 г. за № 27770. См. книгу *Андрэ Барръ*: „Боснія и Герцеговина подъ австрійскимъ владычествомъ“.

Кромѣ упомянутой десятины, жителямъ приходится нести еще слѣдующія повинности:

1) Такъ называемый *наметъ* (обязательный налогъ), взимаемый сверхъ десятины въ количествѣ 2%.

2) Налогъ на *недвижимое имущество*—4% со стоимости земли и строеній.

3) *Школьный налогъ.*

4) *Церковный налогъ.*

5) *Налогъ на скотъ* (лошади и ослы свободны отъ обложенія).

6) *Натуральная повинность,* при чемъ до 1893 года всѣ мужчины отъ 16 до 60-лѣтняго возраста обязаны были 6 дней въ году работать по исправленію дорогъ, на своихъ же лошадяхъ или волахъ. Съ этого года личный трудъ былъ замѣненъ налогомъ въ 3 кроны [1]) въ годъ съ души, который можетъ быть уплоченъ въ два срока: по 31-ое декабря текущаго года и до 31-го марта слѣдующаго. Но зато въ послѣднемъ случаѣ берется прямо безбожный штрафъ: просрочившій обязанъ внести уже вдвое... Если же онъ не внесетъ деньги и къ этому сроку, то обязанъ исправить опредѣленный участокъ дороги, на что требуется отъ 10—20 дней упорнаго труда. Нечего говорить, что и тутъ бѣдняку достается хуже всего: вѣдь человѣкъ при деньгахъ сразу отдастъ 3 кроны, средній по достатку

---

[1]) Австрійская *крона* равняется приблизительно 37 коп.

скопить ихъ хотя бы къ 31 марта и, какъ ни трудно, заплатить уже вдвое, а бѣднякъ, скрѣпя сердце, отправляется на даровую работу...

7) *Воинская повинность*. По закону 29-го октября 1881 г. всѣ здоровые мужчины, достигшіе 20-лѣтняго возраста, обязаны прослужить 3 года на дѣйствительной службѣ и 9 лѣтъ въ запасѣ. Боснія-Герцеговина содержитъ на свои средства 4 полка, хотя только 4 батальона изъ нихъ остаются внутри страны, остальные же размѣщены по другимъ мѣстностямъ Австро-Венгріи. И это удовольствіе обходится жителямъ въ 10 милліоновъ кронъ...

8) *Прочіе налоги*—за убой скота, взвѣшиваніе, за выгоны, таможенный, почтовый, рыночный и т. д. И если подвести итогъ хозяйству боснійскаго крестьянина при турецкомъ и австрійскомъ владычествѣ, то окажется, что мусульманское правительство было къ нему еще много милостивѣе христіанскаго...

А глядя на власть имущихъ, не стѣсняются и помѣщики. Хотя третина и осталась по прежнему, но теперь ага взыскиваетъ ее уже безъ особыхъ хлопотъ: онъ не отправляется, какъ бывало, въ поле или шлетъ туда своего довѣреннаго, чтобы лично убѣдиться каковъ урожай кмета. Теперь по десятинѣ, получаемой казной, опредѣляется и помѣщичья третина, такъ что ага мало безпокоится объ урожаѣ арендатора: онъ просто отправляется

въ контору сборщика податей и тутъ за гроши ему сообщаютъ въ какую сумму обложенъ кметъ. И вотъ сообразно съ этой суммой онъ и взыскиваетъ слѣдуемую ему третину. Само собою разумѣется—чѣмъ выше назначена десятина, тѣмъ ему выгоднѣе; вотъ почему, какъ мы это уже упоминали, ага и держитъ руку десетара, когда тотъ старается въ комиссіи повыше оцѣнить урожай несчастнаго кмета. Да къ тому же еще теперь послѣдній обязанъ доставить помѣщику *на домъ* его долю, что возлагаетъ еще большую тяготу на арендатора.

Посмотримъ теперь какіе продукты производитъ страна. Мы уже знаемъ, что почва Босніи весьма плодородна, въ противоположность Герцеговинѣ, гдѣ половина земли неудобна для земледѣлія; зато здѣсь пускается въ ходъ каждый клочекъ земли между скалами, разъ только онъ хотя сколько-нибудь годится для обработки, и въ такихъ мѣстахъ населеніе разбросано по горамъ отдѣльными выселками. Большая же часть селеній расположена на большихъ горныхъ площадкахъ, обильно орошенныхъ; площадки эти кругомъ замкнуты горами и по мѣстному называются *полями*. Въ странѣ произрастаютъ всѣ роды хлѣбныхъ растеній, но пшеница и рожь воздѣлываются лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, тогда какъ кукуруза, ячмень, овесъ и просо—повсюду. Герцеговина, кромѣ того, произ-

водитъ еще и рисъ; эта же провинція славится и табакомъ довольно высокаго качества.

Фруктовые сады можно встрѣтить по всей странѣ, но особенно славится ими Боснія. Великолѣпныя сливы произрастаютъ здѣсь въ такомъ огромномъ количествѣ, что въ сушеномъ видѣ, составляютъ видный предметъ вывоза за границу. Зато мало здѣсь виноградниковъ, которыми, наоборотъ, богата Герцеговина, своимъ прекраснымъ виномъ снабжающая и Боснію; особенно славятся виноградниками долины Неретвы, возлѣ Коньица и Мостара [1]). Въ этой же провинціи можно встрѣтить оливковыя, фиговыя и гранатныя деревья.

Но главное богатство края—это обширные лѣса, которые въ общемъ занимаютъ почти половину всего пространства. Большая часть боснійскихъ горъ покрыта великолѣпными густыми лѣсами которыхъ совершенно не знаетъ Европа; на нѣкоторыхъ изъ нихъ до-сихъ поръ еще сохранились настоящія дѣвственныя пущи, куда никогда еще не ступала нога человѣка. Здѣсь растетъ букъ—мѣстами прямо гигантскихъ размѣровъ, дубъ, ель, сосна, каштанъ; зато береза и липа попадаются довольно рѣдко. Грецкій орѣхъ произрастаетъ въ странѣ въ такомъ изобиліи, что напр. въ долинахъ Босніи онъ встрѣчается цѣлыми лѣсами. Значительная часть лѣсовъ въ краѣ принадлежитъ пра-

---

[1]) *Мостаръ* —главный городъ Герцеговины.

вительству, при чемъ общины имѣютъ право пользоваться ими для своихъ хозяйственныхъ нуждъ, но отнюдь не для продажи. Изъ дикихъ животныхъ въ лѣсахъ водится множество кабановъ, лисицъ, рысей, оленей, сернъ и проч. Волки въ изобиліи

Мостаръ—столица Герцеговины.

встрѣчаются на сѣверѣ, а медвѣди на югѣ—въ окрестностяхъ Сараева [1]).

Скотоводство хотя и является важной отраслью мѣстнаго хозяйства, но находится и до сихъ поръ въ первобытномъ состояніи — и это не смотря на обиліе лѣсовъ и пастбищъ въ странѣ. Благодаря

---

[1]) Главный городъ Боснiи.

недостаточному уходу часто свирѣпствуетъ чума, вносящая порою большое разореніе въ безъ того скудное хозяйство здѣшнихъ тружениковъ; такъ, напр., въ 1879 г. чума унесла свыше 14 тысячъ головъ скота. Рогатый скотъ здѣсь малъ и слабъ, коровы бѣдны молокомъ. Овецъ и козъ больше всего разводятъ въ Герцеговинѣ, гдѣ вообще скотоводство процвѣтаетъ надъ земледѣліемъ, а свиней—въ Нижней Босніи, которую когда-то турки прозвали за это „страною свиней“. Лошади также малорослы, но зато сильны и чрезвычайно выносливы. Ослы и мулы — эти главные помощники человѣка въ горныхъ странахъ—больше всего разводятся въ Герцеговинѣ. Въ виду явной пользы этихъ животныхъ для края, австрійское правительство заботится о развитіи этого промысла.

Въ Герцеговинѣ распространено и пчеловодство, но и оно находится въ самомъ первобытномъ состояніи, такъ какъ многіе усовершенствованные пріемы въ этомъ дѣлѣ здѣсь жителямъ еще совершенно неизвѣстны пока. И минеральными богатствами природа не обидѣла край: уже много вѣковъ тому назадъ, еще при римлянахъ, здѣсь добывалось желѣзо, сурьма, киноварь. Въ средніе вѣка Босція особенно славилась своимъ серебромъ, хотя кромѣ него находили еще золото и мѣдь. Самыя названія нѣкоторыхъ мѣстностей ясно указываютъ о залежахъ въ нихъ цѣнныхъ рудъ, какъ напримѣръ—*Сребренницы, Олово* и проч. При ту-

рецкомъ владычествѣ минеральныя богатства края оставались безъ разработки; добывалось лишь одно желѣзо. Но съ переходомъ правленія въ руки Австріи, она снарядила туда своихъ инженеровъ, которые открыли богатыя залежи каменнаго угля, мѣди и олова; найдены также серебро и ртуть, но главное вниманіе обращено нынѣ на каменный уголь. Въ Тузлинскомъ округѣ въ значительномъ количествѣ добывается и соль, а въ окрестностяхъ Сараева и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ встрѣчается бѣлый мраморъ. Кромѣ того, Боснія богата минеральными источниками, хотя цѣлебная сила ихъ и до сихъ поръ еще не изслѣдована.

Покончивъ съ сельскимъ хозяйствомъ и естественными богатствами Босніи-Герцеговины, перейдемъ къ торговлѣ и промышленности. И тутъ австрійское управленіе не способствовало благополучію населенія. Когда страна находилась подъ владычествомъ турокъ, торговля была сильно развита здѣсь: самымъ виднымъ сословіемъ послѣ помѣщиковъ-мусульманъ являлись купцы. По большей части это были православные сербы, которые вели торговлю не только внутри страны, но и съ другими государствами: Константинополь, Вѣна, Парижъ, Лондонъ — вели сношенія съ босняками и герцеговинцами. Но лишь только управленіе перешло къ Австріи, какъ предъ мѣстными торговцами начали воздвигать одно препятствіе за другимъ: она стала поощрять своихъ купцовъ къ переселе-

нію въ новый для нихъ край; пошли основываться частныя общества, въ руки которыхъ постепенно и перешли главныя отрасли торговли и промышленности. Эти иноземные купцы являлись сюда исключительно для наживы, не брезгуя для этого никакими средствами. Такимъ образомъ возникали крупныя монополіи [1]), какъ, напр., пивная, лѣсная, соляная, каменно-угольная и табачная.

Едва Австрія заняла край, какъ нахлынули ея торговцы и стали открывать пивные заводы. Однако на первыхъ порахъ это послужило лишь на пользу мѣстнымъ купцамъ: новые пивовары стали соперничать другъ съ другомъ и, чтобы удержаться, принялись улучшать качество пива, понизили цѣну на него А мелкіе туземные пивоторговцы пользовались у нихъ нѣкоторымъ кредитомъ [2]), что для нихъ было очень важно, и понемногу они сводили концы съ концами. Но вскорѣ же австрійская казна догадалась, что она можетъ извлечь большой доходъ изъ этого дѣла и устроила анонимное [3]) общество, которое скупило всѣ пивные заводы, сама же обязалась передъ нимъ не давать больше никому права на открытіе новыхъ заводовъ. Нечего говорить, что туземныя предпріятія не устояли и понемногу стали таять,

---

1) *Монополія*—торговля или промыселъ, захваченные исключительно въ одинъ руки.

2) Заемъ товаромъ или деньгами.

3) Безымянное.

какъ снѣгъ подъ яркими вешними лучами.... А пивная монополія не дремала: почуявъ свою полную побѣду, она постепенно стала прибирать къ рукамъ и водочное дѣло. Раньше выдѣлка водки изъ сливъ служила для крестьянина большимъ подспорьемъ въ его скудномъ хозяйствѣ; теперь же начали выростать огромные австрійскіе заводы и у бѣднаго туземца отняли это право, еще больше разоряя его. И вотъ, собравъ свой урожай сливъ, онъ волей-неволей несетъ его пришлымъ заводчикамъ и продаетъ не по прежней вольной цѣнѣ, а по той, какую установятъ особыя на этотъ счетъ комиссіи...

Тоже самое и съ лѣсной монополіей. Эти дивные лѣса—краса и гордость Босніи, которымъ можетъ позавидовать Европа, гдѣ въ доброй трети никогда еще не раздавался стукъ топора — сразу же послужили приманкой для изворотливыхъ австрійцевъ. Раньше турки, по своей восточной косности, не обращали должнаго вниманія на эту цѣнную статью дохода; теперь же эти великолѣпные строевые лѣса всецѣло въ рукахъ одного иностраннаго общества, которое немилосердно уничтожаетъ ихъ, вывозя за границу—главнымъ образомъ во Францію. И вотъ наживаются пришлые дѣльцы, народное богатство таетъ безъ всякой пользы для самихъ босняковъ. Даже мѣстныхъ рабочихъ отказалось нанимать это общество, предпочитая выписывать своихъ же австрійцевъ....

Соль, каменный уголь, табакъ—все это составляетъ теперь предметъ монополіи и торговля ими сосредоточена въ немногихъ рукахъ. Отъ прежняго солеваренія, что давало жителямъ большое подспорье — не осталось и слѣда: все перешло къ новымъ властелинамъ. Въ Сараевѣ имѣются фабрики, нуждающіяся въ каменномъ углѣ, да и многіе дома потребляютъ его какъ топливо. Вотъ мелкіе торговцы-боснякн и завели было его въ своихъ лавкахъ, торгуя имъ въ розницу. Теперь же право это отнято у нихъ и передано одному вѣнскому купцу, устроившему въ боснійской столицѣ угольный складъ. Вообще же копи принадлежатъ казнѣ и это опять-таки даетъ поводъ къ различнымъ злоупотребленіямъ со стороны полиціи: не разъ случалось, что благодаря притѣсненіямъ и несвоевременной доставкѣ мѣстнымъ фабрикантамъ приходилось останавливать работы. Продажа табака, который являлся раньше такой важной доходной статьей для герцеговинцевъ, теперь сосредоточена въ рукахъ одного общества. А вѣдь не такъ еще давно Герцеговина соперничала въ табачномъ производствѣ съ сосѣдними австрійскими провинціями. Такъ новое правительство, гдѣ только можно, обогащаетъ своихъ купцовъ въ ущербъ законнымъ хозяевамъ страны — боснякамъ и герцеговинцамъ.

Въ настоящее время изъ края вывозятъ, главнымъ образомъ, скотъ, кожи, шерсть и сухія сли-

вы, которыми такъ славится Боснія, ввозять же въ страну различныя европейскія издѣлія, причемъ, главнымъ поставщикомъ является, конечно, сама Австро-Венгрія: вѣдь въ ея рукахъ и таможни и желѣзнодорожные тарифы—она изо всѣхъ силъ и старается распространять свои товары.

Что касается кустарной промышленности, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ жители выдѣлываютъ подковы, земледѣльческія орудія и предметы домашняго хозяйства, въ другихъ—ружья, сабли и ножи. Серебряныя издѣлія довольно грубы и безвкусны, мѣдницкимъ же дѣломъ занимаются исключительно мусульмане. Разсчетливый боснякъ—будь онъ христіанинъ или мусульманинъ—старается обзаводиться мѣдной посудой, какъ болѣе прочной; развѣ только самый захудалый бѣднякъ покупаетъ глиняную. А нѣкоторые предметы сдѣланы здѣсь прямо художественно, какъ напр., огромные подносы съ вырѣзанными на нихъ рисунками, на которыхъ по-турецки подаются обѣды; въ одно и тоже время они служатъ и столомъ, зачастую для цѣлаго десятка лицъ. Значительно распространено въ краѣ и кожевенное производство, также выдѣлка мѣховъ, грубаго полотна, а въ Мостарскомъ округѣ и сафьяна. Выдѣлываются и сукна, преимущественно бѣлаго цвѣта, но въ такомъ недостаточномъ количествѣ, что не хватаетъ даже для мѣстнаго употребленія, такъ что приходится ввозить на изрядную сумму—изъ Турціи и Хорватіи.

Занимаются босняки еще выдѣлкой ковровъ и различныхъ тканей изъ овечьей шерсти; ковры вырабатываются въ восточномъ вкусѣ и отличаются замѣчательной живостью и прочностью красокъ.

Итакъ, мы видимъ, что босняка или герцеговинца грѣшно упрекать въ лѣни; это по большей части неутомимые труженики. Но бѣда въ томъ, что иностранцы забрали въ свои руки всѣ живыя силы народныя, и, процвѣтая сами, усиленно разоряютъ населеніе.

ГЛАВА III.

Религія босняковъ и герцеговинцевъ.— Сербы-православные, сербы-католики и сербы-магометане. — Главнѣйшіе праздники православнаго населенія.—Суевѣрія и предразсудки.

Всѣ жители Босніи и Герцеговины по происхожденію чистые сербы, называютъ же однихъ босняками, а другихъ герцеговинцами исключительно по ихъ провинціямъ. Однако, представляя собою одну народность, они принадлежатъ къ тремъ различнымъ религіямъ: православной, католической и магометанской.

Самое древнее вѣроисповѣданіе въ странѣ — православное. Оно идетъ еще съ тѣхъ незапамятныхъ временъ, когда сербы были язычниками и постигнувъ превосходство единобожія, примкнули

къ греко-восточной церкви. Изъ исторіи края мы видѣли, что была пора, когда на Боснію и Герцеговину обратила вниманіе и Римская церковь и глава ея—папа—имѣлъ значительное вліяніе на судьбу страны. Нѣкоторые изъ сербовъ примкнули тогда къ этой новой церкви, и вотъ потомки ихъ да нынѣшніе австрійскіе чиновники и исповѣдуютъ здѣсь католическую вѣру.

Мы уже знаемъ, что христіанству нанесенъ былъ большой ударъ въ странѣ, когда послѣ присоединенія ея къ Турціи, высшая сербская знать, для сохраненія всѣхъ выгодъ своего положенія, малодушно измѣнила завѣтамъ предковъ и приняла исламъ, сдѣлавшись надежнымъ и усерднымъ орудіемъ въ рукахъ правящей турецкой власти. Народъ же остался вѣренъ христіанству и пошелъ своимъ особымъ, искоснимъ путемъ. Потомки этихъ потурчившихся сербовъ и составляютъ нынѣшнее магометанское населеніе края.

Разсмотримъ теперь устройство православной сербской церкви. Сказать въ Босніи и Герцеговинѣ слово „православный“ — все равно, что „сербъ“ и наоборотъ: до того тѣсно переплетена здѣсь религія и народность. Духовная жизнь такъ прочно связана съ жизнью свѣтской, что нельзя тронуть одной, чтобы не поколебать тотчасъ же и другую. Народъ познаетъ себя въ своихъ священникахъ, которыхъ онъ считаетъ представителями Бога на землѣ; священники же являются блюстителями луч-

шихъ народныхъ завѣтовъ, хранителями вѣковыхъ стремленій сербовъ. Словомъ, Церковь здѣсь—это душа народа.

И вотъ, вступивъ въ управленіе краемъ, Австрія для болѣе вѣрнаго порабощенія населенія, прежде всего обрушилась на православную церковь. Она основательно усмотрѣла, что та часть сербовъ, которая устояла въ борьбѣ въ самое тяжкое время турецкаго гнета и сумѣла отстоять свою вѣру—не такъ-то легко поддастся теперь ея подчиненію. И вотъ она задумала привлечь на свою сторону духовенство и посѣять вражду между нимъ и народомъ. Въ православной сербской Церкви на первомъ планѣ стоитъ *церковно-школьная община*. До 1889 г. эта община имѣла право сама выбирать своихъ священниковъ, учителей и служащихъ; власть ея была такъ широка, что сама она управляла своимъ недвижимымъ имуществомъ, принимала завѣщанныя ей деньги и недвижимость на нужды церкви и школы, даже взимала и необходимые для ихъ содержанія поборы.

Выше стояла *Епархія*; она состояла изъ нѣсколькихъ общинъ, которыми управлялъ *Епархіальный Совѣтъ*. Въ послѣдній входило опредѣленное число членовъ; они выбирались соразмѣрно изъ духовенства, учителей и мірянъ. Дальше шла *Консисторія* или *Духовный Судъ*—мѣсто религіознаго судопроизводства. И тутъ члены выбирались тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ Епархіальный Совѣтъ,

съ тою только разницею, что тамъ большинство составляли міряне, а въ Консисторіи наоборотъ— духовныя лица, члены-же міряне выбирались сюда больше изъ законовѣдовъ. Для каждой Епархіи имѣлся отдѣльный митрополитъ (владыка), который избирался Епархіальными Собраніями.

Во главѣ православной Церкви стоялъ константинопольскій патріархъ, но онъ былъ только ея духовнымъ главою и отнюдь не вмѣшивался въ мірское управленіе ею. Онъ посвящалъ митрополитовъ, избранныхъ народомъ, и если—что случалось очень рѣдко—онъ и не могъ согласиться на данномъ лицѣ, то народъ старался какъ-нибудь придти къ соглашенію съ нимъ. Во всякомъ случаѣ такіе споры были большой рѣдкостью; но большей части патріархъ всегда считался съ народною волею.

Итакъ, мы видимъ, что церковныя учрежденія покоились на выборномъ началѣ, благодаря чему церковь и народъ сливались воедино. Не то теперь. Чтобы полнѣе обезпечить себѣ власть надъ населеніемъ, австрійское правительство сумѣло склонить на свою сторону вселенскаго патріарха. И вотъ 31-го марта 1889 г. оно подписало съ нимъ соглашеніе, по которому на освободившійся престолъ митрополита новаго назначаетъ австрійскій императоръ. При этомъ онъ даетъ знать о своемъ избранникѣ вселенскому патріарху, чтобы тотъ могъ соблюсти всѣ требуемыя церковью об-

рядности. Послѣ этого вновь назначенный митрополитъ отправляется въ Вѣну и приноситъ присягу императору.

Послѣдствія этого соглашенія были крайне пагубны для духовной независимости населенія. Въ то время опредѣленнаго содержанія митрополиту не полагалось, а жилъ онъ доброхотнымъ даяніемъ самого народа, такъ наз. *владичариной*; чѣмъ большею любовью пользовался митрополитъ, тѣмъ больше была и приносимая ему дань. И вотъ если почему-либо народъ былъ недоволенъ своимъ митрополитомъ, то онъ попросту лишалъ его доходовъ и тѣмъ заставлялъ призадуматься.

Но послѣ соглашенія съ патріархомъ Австрія все это уничтожила: прежде всего она отмѣнила владичарину, обложивъ народъ опредѣленнымъ налогомъ на содержаніе митрополитовъ, которое уже сама теперь и выплачиваетъ имъ. Отсюда и получилось, что благосостояніе владыкъ зависитъ въ настоящее время не отъ народа, а отъ австрійскаго правительства, которому они и стараются поэтому какъ можно больше угодить. При турецкомъ владычествѣ, когда власти притѣсняли народъ, онъ обращался за помощью къ своимъ митрополитамъ, теперь же народъ не довѣряетъ больше своимъ владыкамъ и отдалился отъ нихъ. Правительство же, пользуясь своей силой, такъ скрутило по рукамъ и ногамъ митрополита, что безъ разрѣшенія властей онъ не имѣетъ даже права

наложить взысканіе на провинившагося священника...

Перейдемъ теперь къ тѣмъ праздникамъ православнаго населенія, которые неизвѣстны намъ, русскимъ. Для босняка и герцеговинца, какъ и для всякаго истаго серба, тутъ на первомъ планѣ стоитъ праздникъ *Славы* или *Крсно име*. [1]) Для него этотъ торжественный день имѣетъ даже большее значеніе, чѣмъ Рождество или Пасха. Это праздникъ не только семейный, но и общенародный, когда каждый сербъ молится не за одно благополучіе своихъ близкихъ, а за процвѣтаніе и независимость родины, за соединеніе всѣхъ славянскихъ братьевъ въ одну крѣпкую, дружную, необъятную семью...

Праздникъ Славы ведетъ свое начало еще съ тѣхъ незапамятныхъ временъ, когда сербы только стали переходить изъ язычества въ христіанство. Въ день крещенія вся семья, а иногда и цѣлый родъ, избирали себѣ одного общаго покровителя. Это былъ или тотъ святой, имя котораго получалъ старшій въ семьѣ, или же который просто праздновался въ день ихъ крещенія. Изъ года въ годъ потомъ день этотъ стали поминать—*славить*, и такимъ образомъ праздникъ этотъ въ своей неприкосновенной чистотѣ дошелъ и до нашихъ дней. Онъ какъ бы замѣняетъ наши именины, которыхъ не знаютъ сербы.

---

[1]) Крестное имя, т.-е. имя, данное при крещеніи.

Трудно представить себѣ сколько важности и торжественности въ этомъ праздникѣ для каждаго истаго серба! Чтобы ни случилось въ семьѣ — будь въ ней хотя тяжко больной — ничто не можетъ помѣшать празднованію этого дня. Нѣтъ того сокровища, какое пожалѣлъ бы хозяинъ, лишь бы только достойно принять въ этотъ день гостей, безъ которыхъ не обходится ни одинъ домъ. Самые лучшія кушанья, напитки, фрукты — все сберегается и припасается на этотъ день; какъ бы бѣденъ ни былъ сербъ, онъ согласится лучше голодать потомъ цѣлую недѣлю, только бы хорошенько почтить этотъ самый торжественный день въ году. Молодежь веселится на славу — игры, пѣніе и танцы чередуются между собою. Звонъ гуслей — этого любимаго народнаго инструмента — слышится повсюду здѣсь, какъ и въ другіе праздники. Иного искусника-гусляра окружаетъ цѣлая толпа и съ благоговѣніемъ внимаетъ ему. А онъ поетъ о былой, давно угасшей славѣ своего народа, скорбитъ о прежнемъ величіи его, когда онъ былъ свободенъ и такъ гордился своей независимостью... Воспѣваетъ гусляръ и юнацкіе [1]) подвиги любимыхъ народныхъ героевъ въ неравной борьбѣ съ турками, ихъ побѣды и пораженія — все, чѣмъ живъ до сихъ поръ духъ народа.

Всѣ новыя церкви въ Босніи и Герцеговинѣ для своей Славы принимаютъ день св. Саввы. Этотъ

[1]) Молодецкіе.

сербскій апостолъ пользуется здѣсь совсѣмъ исключительнымъ почетомъ (какъ и у прочихъ сербовъ) и считается покровителемъ школъ и церквей. Въ день св. Саввы (14-го января) всѣ православные сербы устраиваютъ большія торжества. Утромъ происходятъ богослуженія, школьные праздники и различныя собранія; идетъ сборъ пожертвованій на начальныя сербскія школы: все это имѣетъ цѣлью поддержать сербскую народность, не дать угаснуть его живому духу. Вечеромъ молодежь собирается вмѣстѣ, поетъ національныя [1]) пѣсни и танцуетъ національные танцы.

Любопытенъ у сербовъ и обрядъ *освященія масла*, который превращается въ цѣлый праздникъ для семьи. Для этого каждый волент избрать какой ему угодно день. Кто выбираетъ день своего Ангела, который, какъ намъ уже извѣстно, вообще не празднуется у сербовъ, кто другого особо почитаемаго имъ святого; устраивается это торжество и по случаю крещенія младенца, или послѣ покойника—словомъ строго опредѣленнаго дня на этотъ счетъ не существуетъ. Торжество это можетъ происходить какъ въ церкви, такъ и на дому, но всегда непремѣнно „*соборнъ*“, т.-е. не однимъ, а тремя священниками, и лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ — двумя. Но особенной торжественностью обрядъ этотъ обставляется на

---

[1]) Народныя; отъ слова *нація*, что значитъ—народъ.

дому, такъ какъ въ церкви совершается по требнику.

Вотъ хозяинъ назначилъ уже у себя день освященія масла. Заранѣе приглашены всѣ близкіе и почетные гости; ихъ ждетъ настоящій пиръ. Посреди комнаты стоитъ столъ, накрытый чистой скатертью, а на немъ хлѣбъ, напоминающій просфору, бутылка вина, пузырекъ съ деревяннымъ масломъ, маслиновая вѣточка и два блюдца: на одномъ — прикрѣплены какимъ-то чудомъ три фитилька, въ другомъ—вареная пшеница съ вставленной посрединѣ восковой свѣчкой.

Явились и священники. Облачившись, они прежде всего принимаются кадить. Но это не знакомая намъ кадильница, а просто желѣзная лопатка полная жару, на который посыпается ладанъ. Помахавъ ею, одинъ изъ священниковъ подноситъ ее по очереди присутствующимъ; каждый тщательно подгоняетъ рукой дымъ къ себѣ и благоговѣйно вдыхаетъ его. Когда вся эта церемонія кончена, лопатка съ жаромъ кладется подъ столъ и долго еще оттуда доносится дымъ.

Теперь всѣ присутствующіе размѣщаются вокругъ стола. У каждаго въ рукѣ по восковой свѣчѣ, а у самого хозяина—крестъ, съ которымъ онъ не разстается до конца службы. Одинъ изъ священниковъ, прочитавъ молитву, беретъ блюдце съ фитильками, наливаетъ масла и вина, и зажигаетъ ихъ. Вся служба продолжается не менѣе

полутора часовъ. Читается множество молитвъ, 7 апостоловъ и 7 евангелій, и если все это кончается сравнительно такъ скоро, то только потому, что когда одинъ изъ священниковъ читаетъ вслухъ, то другіе идутъ дальше про себя. Во время чтенія каждый изъ присутствующихъ подходитъ къ священнику, наклоняется подъ эпитрахиль, потомъ цѣлуетъ развернутое на любомъ мѣстѣ Евангеліе. Послѣ этого священнику подается поминанье; сначала онъ провозглашаетъ многолѣтіе всѣмъ здравствующимъ, потомъ зажигаетъ свѣчу, воткнутую въ блюдце съ пшеницей и поминаетъ усопшихъ, провозгласивъ имъ „со святыми упокой“ и „вѣчную память“.

Когда все это кончено, священникъ беретъ маслиновую вѣточку и, обмакнувъ ее въ масло, дѣлаетъ каждому крестъ на лбу, называя его по имени. Цѣлованіемъ креста окончательно завершается весь обрядъ, послѣ чего начинается угощеніе и шумное веселье длится до поздней ночи.

А освященное масло тотчасъ же сливается въ особый пузырекъ. Оно будетъ служить для освѣщенія нѣкоторыхъ предметовъ, во время богослуженій на дому и, наконецъ, для исцѣленія больныхъ.

Любопытно празднуется и Рождество въ Босніи и Герцеговинѣ. Тутъ цѣлое множество незнакомыхъ намъ обычаевъ, вѣрованій и суевѣрій, не-

измѣнно переходящихъ отъ одного поколѣнія къ другому. Мѣстами больше приняты однѣ обрядности, мѣстами—другія, но повсюду онѣ сопровождаютъ этотъ великій праздникъ, скрашивая собою сѣренькую жизнь обездоленнаго труженика.

Какъ и всякій другой православный сербъ, боснякъ не представляетъ себѣ Рождества безъ излюбленнаго *бадняка*. Обыкновенно въ сочельникъ или, какъ называютъ его сербы, *бадни-дан* [1]), хозяинъ, отправляясь въ лѣсъ за дровами, непремѣнно привозитъ и баднякъ—какое-нибудь лиственное дерево, чаще всего дубокъ или ясень; здѣсь, объ эту пору, не только сохраняется еще листва, но нерѣдко и зеленый цвѣтъ ея. Лишь тамъ, гдѣ никакъ уже не найти лиственнаго деревца, сербъ мирится на ели или сосенкѣ.

Цѣлый день въ домѣ идетъ стряпня и суета. Особенно волнуются дѣти, для которыхъ святки такая же прелестная пора, полная веселья и забавъ, какъ и для нашихъ ребятъ. Хозяйка изо всѣхъ силъ старается не ударить лицомъ въ грязь и успѣть все до вечера. А вѣдь цѣлодневный постъ даетъ себя чувствовать—лишь старики да дѣти могутъ перехватить какія-нибудь крохи—и всѣ съ нетерпѣніемъ поглядываютъ на далекое небо—когда же загорится въ немъ яркая рождественская звѣзда?...

---

[1]) „День бадняка“ или рождественскаго дерева.

Но вотъ, наконецъ, скоро и сумерки. Надо прибрать какъ слѣдуетъ избу и собрать ужинъ. Прежде всего чисто-на-чисто выметается полъ и, по обычаю, выносятся всѣ скамейки и стулья—у кого имѣется такая роскошь; прячутся всѣ желѣзные предметы—ножи, разные острые инструменты, употребляющіеся въ домашнемъ обиходѣ; все это на цѣлыхъ три дня уносится на чердакъ или въ другое какое-либо потаенное мѣсто. Стулья и скамейки убираются потому, что при Рождествѣ Христовомъ ни Богородица, ни праведный Іосифъ не имѣли скамеекъ, а ножами и другими острыми предметами Иродъ перебилъ младенцевъ, когда искалъ Іисуса, чтобы лишить Его жизни.

Когда изба, такимъ образомъ, опросталась, является хозяинъ съ огромной охапкой соломы въ рукахъ и кучками разбрасываетъ ее по полу. Вслѣдъ за нимъ вьются ребятишки и стремглавъ бросаются устилать ею полъ. Дѣлается это въ воспоминаніе рожденія Христа въ яслѣхъ. Поверхъ соломы, поближе къ огнищу, разстилается *черга*—большой коверъ изъ козьей шерсти; на немъ-то и накрывается рождественскій ужинъ: тутъ и рыба, и большой плоскій пшеничный хлѣбъ, капуста, тыква, бобы, медъ; подаются и плоды, какіе только водятся въ это время года: яблоки, орѣхи, каштаны, винныя ягоды.

Итакъ, „столъ“ накрытъ. Хозяинъ встаетъ съ мѣста и выходитъ наружу за бадняком, который

стоитъ прислоненный къ стѣнѣ, направо отъ входной двери. Прежде чѣмъ поднять деревцо, онъ благоговѣйно снимаетъ шапку. Тутъ же стройнымъ рядомъ устанавливаются ребятишки—всѣ съ непокрытыми головенками: они давно уже съ нетерпѣніемъ ожидали этой минуты. А хозяйка, только что прилѣпившая по восковой свѣчкѣ по обѣ стороны наружныхъ дверей, останавливается за порогомъ съ чашкой кукурузы и пшеницы въ рукахъ.

Вотъ хозяинъ осторожно берется за баднякъ и, повернувъ его толстымъ концомъ впередъ, направляется къ дверямъ. Едва онъ собрался переступить за нее, хозяйка поспѣшно загребаетъ полную горсть жита и благоговѣйно осыпаетъ имъ порогъ: это пожеланіе урожайнаго года. А хозяинъ, войдя въ избу, обращается къ своимъ домашнимъ:

— Здравствуйте! Многія лѣта всѣмъ вамъ!

— Аминь! — отвѣчаютъ тѣ хоромъ, совсѣмъ какъ въ церкви.

А на огнищѣ пылаетъ уже цѣлый костеръ, весело освѣщая рождественскій столъ. Но по угламъ жмутся таинственныя тѣни—сюда не достигаетъ неровный свѣтъ яркаго пламени. Хозяинъ торжественно кладетъ свой баднякъ и цѣлый снопъ искръ, какъ огненный змѣй, высоко вздымается вверхъ, къ великой потѣхѣ ребятъ. Потомъ взявъ бутылку вина, глава дома приближается къ огнищу, трижды крестъ-на-крестъ поливаетъ имъ вы-

совывающійся изъ огня толстый конецъ дерева, бросаетъ туда горсть жита и съ одушевленіемъ произноситъ:

— На много лѣтъ и пусть первый годъ будетъ самымъ счастливымъ!

Тутъ онъ призываетъ благословеніе Божіе на свою семью, поочередно перечисляя всѣхъ членовъ ея, на свой домъ, всѣ дѣла, на будущій урожай.

— Аминь! Да будетъ такъ!—каждый разъ вторятъ ему домочадцы.

Мѣстами наблюдается тутъ слѣдующій смѣшной обычай. Всѣ присутствующіе усаживаются на полъ, а хозяинъ спрашиваетъ:

— Всѣ ли мы здѣсь?

— Всѣ, всѣ!—хоромъ отвѣчаютъ тѣ и со словами „помоги, Боже!“—развязываютъ свои опанки [1]).

— Всѣ ли готовы?—снова вопрошаетъ хозяинъ.

— Да, готовы!—несется въ отвѣтъ. И тутъ разомъ всѣ сбрасываютъ съ ногъ опанки, ударяя ногой объ ногу.

Послѣ этого всѣ садятся за ужинъ, а на огонь кладутъ каштаны, чтобы они успѣли растрескаться тѣмъ временемъ. Вся семья усаживается вокругъ ковра, прямо на устланный соломой полъ, скрестивъ ноги по-турецки. За ужиномъ каждый украдкой тщательно слѣдитъ за бабнякомъ—не перего-

[1]) Мѣстная обувь, въ видѣ кожаныхъ лаптей.

рѣлъ-ли онъ: по обычаю, кто первый замѣтитъ это, тому принадлежитъ первое животное, которое родится въ этомъ году. Мѣстами есть и такое повѣрье на этотъ счетъ: если первый замѣтилъ мужчина—то въ семьѣ будутъ рождаться въ наступающемъ году мальчики, если же женщина—то дѣвочки.

Какъ только замѣчено, что баднякъ перегорѣлъ, женщины вытаскиваютъ оба его конца изъ огня, отряхиваютъ съ нихъ перегорѣвшіе уголья и бережно укладываютъ ихъ въ черепокъ, загадывая такимъ образомъ: одинъ для скота, по одному для разныхъ посѣвовъ, для дѣтей и т. д. Потомъ осторожно прячутъ черепокъ, а утромъ смотрятъ—какіе угольки уцѣлѣли и на этомъ основаніи рѣшаютъ: будетъ ли урожайный годъ, родится-ли много скота—смотря по тому, что было загадано. А перегорѣлые остатки бадняка тоже идутъ въ ходъ, опять-таки съ суевѣрной цѣлью: изъ нихъ дѣлаютъ крестики и на зарѣ ставятъ ихъ по нивамъ, сѣнокосамъ и пашнямъ. Темный народъ придаетъ имъ большую силу: они будто бы обезпечиваютъ хорошій урожай...

Послѣ рождественскаго ужина хозяину предстоитъ еще одно важное дѣло: скоро онъ будетъ зажаривать поросенка, который неизмѣнно полагается на завтрашній обѣдъ; уже давно стоитъ онъ тутъ, чисто вымытый и выпотрошенный, напизанный на вертелъ. Но берется онъ за это дѣло

не раньше, чѣмъ пропоютъ первые пѣтухи. Тогда хозяинъ выходитъ во дворъ, беретъ вѣтку и вернувшись въ избу, радостно привѣтствуетъ домашнихъ:

— Христосъ се родио!

— Аминь!—благоговѣйно несется въ отвѣтъ.

Выполнивъ эту обрядность, хозяинъ берется, наконецъ, за поросенка. Ѣдкій дымъ и чадъ наполняютъ вскорѣ избу, но привычный къ нимъ сербъ не смущается и съ наслажденіемъ готовитъ вкусное блюдо, поворачивая вертелъ, то однимъ, то другимъ концомъ.

Въ церковь, къ заутренѣ, идутъ лишь самые набожные люди, за обѣдней же считаетъ своимъ долгомъ присутствовать каждый добропорядочный хозяинъ, въ сопровожденіи кого-либо изъ домашнихъ. Когда обѣдня отходитъ, священникъ съ крестомъ выходитъ изъ алтаря и торжественно провозглашаетъ:

— Христосъ се родио!

— Ва истину се родио! — отвѣчаютъ ему молящіеся. И такой обмѣнъ привѣтствій происходитъ три раза. Потомъ всѣ прикладываются къ кресту и начинается взаимное цѣлованіе, какъ у насъ на Пасху, то и дѣло прерываемое возгласами:

— Миръ Божи! Христосъ се родио!

— Ва истину се родио!—снова несется въ отвѣтъ, и эти привѣтствія и цѣлованія длятся потомъ цѣлую недѣлю.

Боснякъ и герцеговинецъ еще и понынѣ не выбились изъ духовной темноты. Тяжкій, неизбывный трудъ, бѣдность—все это мало способствуетъ просвѣтлѣнію человѣческаго ума. Многовѣковая борьба съ турецкимъ игомъ, когда приходилось думать лишь о томъ, какъ бы отстоять свое право на жизнь, потомъ притѣсненія австрійцевъ, мало заботившихся объ образованіи опекаемыхъ ими народовъ—все это поддерживало народное невѣжество. А тамъ, гдѣ нѣтъ свѣта знанія, люди безпомощно бродятъ въ потемкахъ, не умѣя разобраться въ самыхъ простыхъ явленіяхъ природы,—тамъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтаютъ самые дикіе предразсудки и суевѣрія. Передаваясь отъ невѣжественнаго отца къ невѣжественному сыну, они мало-по-малу укрѣпляются въ народномъ сознаніи и превращаются въ прочныя вѣрованія. Темный человѣкъ не замѣчаетъ, что суевѣріе не вяжется съ его истинной вѣрой, какъ не могутъ ужиться вмѣстѣ свѣтъ и тьма; онъ какъ будто твердо вѣритъ въ Бога, но въ то же время побаивается и чорта, приписывая ему сверхъестественную силу..... Словомъ, мысль человѣческая застаивается, какъ неподвижное болото, распространяя вокругъ себя туманъ невѣжества и духовнаго убожества.

Такъ и босняки съ герцеговинцами. Не оберешься у нихъ самыхъ безсмысленныхъ предразсудковъ и суевѣрій. Многіе изъ нихъ связаны съ празднованіемъ Рождества. Мѣстами, напр., во

время рождественскаго обѣда лижутъ бадпякъ, на которомъ зажаривался поросенокъ—чтобы не болѣло горло..... Многіе любители прыгаютъ черезъ горящій баднякъ, произнося при этомъ извѣстное заклинаніе и такимъ способомъ думаютъ застрахо-

Прыганье черезъ горящій баднякъ.

вать себя на цѣлый годъ отъ лихорадки..... Золу изъ-подъ перегорѣвшаго бадняка женщины тщательно собираютъ въ особый мѣшочекъ и когда готовятъ щелокъ для бѣлья, то въ него подсыпаютъ немного и этой золы—тогда бѣлье уже никакъ

не испортишь и вымоется оно чисто..... А подъ новый годъ сербъ до страсти боится какъ-нибудь не наступить на остатки бадняка, которыми въ эту ночь разжигается, по обычаю, очагъ: съ кѣмъ случится такая бѣда, тотъ будто-бы непремѣнно умретъ въ этомъ году...

Мы уже знаемъ, что Боснія и Герцеговина страны гористыя. То суровыя и обнаженныя, то величественныя, покрытыя великолѣпными лѣсами— горы эти нагромождены какъ попало, разбросаны безъ всякаго порядка. Мѣстами онѣ представляютъ изъ себя лишь гигантскія груды сѣраго камня и скалъ; только люди, съ колыбели сроднившіеся съ этой дикой природой, могутъ проникать сюда и сообщаться съ такими мѣстностями—для жителя равнинъ это былъ бы непосильный подвигъ. И вотъ темный герцеговинецъ видитъ у себя въ горахъ таинственныя пещеры и объясняетъ ихъ происхожденіе по своему. Если бы онъ былъ хорошо грамотенъ и полюбопытствовалъ бы прочитать книжку о строеніи земли, то она ясно и просто объяснила бы ему откуда взялись эти страшныя для него пещеры. Онъ узналъ бы, что известнякъ, изъ котораго состоятъ по большей части горныя породы въ этой странѣ, легко растворяется въ водѣ, содержащей углекислоту [1]). А такъ какъ подземныя воды, омывающія трещины этихъ породъ, всегда

---

[1]) Газъ, образующійся отъ сгоранія угля.

содержать въ себѣ углекислоту, то слѣдовательно онѣ и растворяютъ известнякъ. Отъ таянія снѣговъ и дождей цѣлые потоки и рѣчки текутъ въ расщелинахъ горъ, бурными водопадами падая съ одной каменной глыбы на другую. И вотъ день за днемъ, годъ за годомъ идетъ такая неустанная подземная работа и это постепенное вымываніе приводитъ, наконецъ, къ тому, что въ известковыхъ громадахъ образуются необозримыя полости. Эти пустыя пространства сообщаются ходами какъ другъ съ другомъ, такъ и съ земной поверхностью, и тянутся наподобіе безконечныхъ коридоровъ. Герцеговинецъ съ малыхъ лѣтъ видитъ всю эту кропотливую работу неугомонной природы, какъ видѣли ее раньше его отецъ, дѣдъ и прадѣдъ. Они наблюдали, какъ бурный подземный потокъ, упадая съ каменныхъ громадъ, исчезалъ во внутреніе коридоры, а черезъ нѣкоторое время билъ уже новымъ ключомъ совсѣмъ въ другомъ заглохшемъ ущельѣ..... И вотъ темный, суевѣрный умъ народа по своему объясняетъ появленіе этихъ страшныхъ для него пещеръ: то жилище злого горнаго духа—чудовищнаго *дива*, пожирателя людей. Онъ обладаетъ сверхъестественной силой и стоитъ только путнику укрыться въ непогоду въ одну изъ этихъ пещеръ, какъ несчастнаго тотчасъ же схватываетъ ненасытный дивъ.....

Такъ бредетъ въ потьмахъ человѣческій умъ безъ яркаго свѣточа знанія, какъ путникъ въ не-

проглядную осеннюю ночь безъ фонаря. Не перечесть всѣхъ суевѣрій и предразсудковъ, въ которыхъ коснѣютъ босняки и герцеговинцы, если бы мы даже и захотѣли это сдѣлать: въ однихъ мѣстахъ дѣйствуютъ одни, въ другихъ—другіе, по на всякій случай жизни, на каждое явленіе природы—вездѣ примѣты, суевѣрія, шатаніе и заблужденіе.

ГЛАВА IV.

Внѣшній видъ Сараева.—Устройство жилища въ Босніи и Герцеговинѣ.—Одежда и пища.

Если петербуржецъ или москвичъ попадетъ въ столицу Босніи—Сараево, то онъ будетъ глубоко разочарованъ: ничего общаго съ нашими представленіями о столичномъ городѣ онъ не найдетъ—ни въ смыслѣ величины, ни внѣшняго вида, ни количества населенія. Но зато будь это хоть жаркій іюль, когда солнце такъ немилосердно печетъ—воздухъ здѣсь свѣжъ и о нашей духотѣ нѣтъ и помину: вѣдь Сараево лежитъ на 1750 футовъ надъ уровнемъ моря, т.-е. приблизительно на той же самой высотѣ, какъ Цюрихъ или Женева [1]).

Главная улица давно уже носитъ названіе Францъ-Іозефъ-Штрассе [2]). Предусмотрительный

---

[1]) Города въ Швейцаріи.

[2]) Улица Франца-Іосифа—названная такъ въ честь австрійскаго императора.

народъ эти австрійцы! Какъ будто 20 съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ они уже предвидѣли, что настанетъ нѣкогда день, когда правительство наложитъ свою тяжелую руку на этотъ богатый, но безпомощный край, и задумали понемногу пріучить къ этой мысли босняковъ....

Это—большая просторная улица, окаймленная съ обѣихъ сторонъ домами и лавками, какъ и у насъ въ городахъ. Тутъ и книжные магазины, и модный товаръ, и фотографіи, колоніальныя лавки, парикмахерскія съ выставленными въ окнахъ дамскими прическами—словомъ, обыватель не оставленъ на произволъ судьбы. А вотъ и большая церковь съ блестящими высокими куполами; выкрашенная въ бѣлую и свѣтло-голубую краску она весело красуется на яркомъ іюльскомъ солнцѣ. Это здѣшній православный соборъ, по своей архитектурѣ очень напоминающій наши московскія церкви.

Любопытна и толпа, которою наполняется улица. Вотъ нѣсколько магометанскихъ женщинъ, откуда-то возвращающихся домой. Съ закрытыми лицами, въ своемъ неуклюжемъ одѣяніи, онѣ медленно и плавно подвигаются впередъ; такъ предписываетъ имъ Коранъ, дабы не привлекать на себя взоры проходящихъ мужчинъ.... Черноглазые ребятишки въ своихъ широкихъ розовыхъ или зеленыхъ шароварахъ, съ маленькими красными фесками на головахъ—беззаботно играютъ въ пескѣ. Итальянскіе каменьщики, строящіе большой домъ

на европейскій ладъ, идутъ съ работы, весело напѣвая; они только что обтесывали огромныя, каменныя глыбы плотнаго, какъ мраморъ, известняка золотисто-пѣжнаго цвѣта. Ихъ желтые плисовые штаны и перекинутые черезъ правое плечо камзолы хотя и перепачканы известью, но придаютъ имъ живописный видъ. А вотъ и степенный еврей—купецъ въ длинномъ мѣховомъ кафтанѣ, несмотря на іюльскую жару; съ своей длинной бородой и благородной осанкой, онъ поразительно напоминаетъ древняго патріарха. Оборванный пастухъ, едва одѣтый въ грубое когда-то бѣлое сукно, съ намотанной на головѣ грязной тряпкой вмѣсто чалмы, показался вдругъ изъ переулка; онъ гонитъ передъ собой стада буйволовъ и козъ, которые поднимаютъ отчаянную пыль, золотящуюся на яркомъ солнцѣ. И неожиданно нѣсколько австрійскихъ офицеровъ появляются изъ воротъ: верхомъ на своихъ великолѣпныхъ, сытыхъ коняхъ въ блестящихъ мундирахъ, они гордо озираются вокругъ, чувствуя себя здѣсь полновластными господами.

Но вотъ начинается магометанская часть города—нѣчто совсѣмъ новое для европейца, незнакомаго съ страной. И тутъ попадаются то каменные, то кирпичные дома, но больше всего поражаетъ обычное у мусульманъ сооруженіе—красивый фонтанъ. Это большая плита изъ бѣлаго мрамора, съ вырѣзанными на ней изреченіями изъ Корана; струя чистой, какъ слеза, воды бьетъ изъ-подъ пли-

ты, приглашая вѣрующихъ освѣжиться или совершить омовеніе, предписываемое мусульманскимъ за-

Фонтанъ.

конomъ. Многочисленные хамалы [1])—всѣ рослые здоровые ребята, какъ на подборъ — живописно рас-

---

[1]) Носильщики.

положились вокругъ фонтана, скрестивъ подъ себя ноги, въ ожиданіи призыва. А около отливающей на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги прохладной струи столпились съ своими кувшинами пришедшіе за водой. Тутъ и юная мусульманская дѣвица въ своихъ ярко-желтыхъ шароварахъ; едва вышедшая изъ дѣтскаго возраста, она еще не закрываетъ милаго смуглаго лица; за нею бойкая австрійская горничная, пріѣхавшая съ своими господами; на этой уже привычное намъ европейское платье—блѣдноголубое съ нарядным бѣлоснѣжнымъ передничкомъ; а вотъ и полураздѣтый цыганъ, оборванный и жалкій въ своей бѣдности. И все это подъ блестящимъ полуденнымъ солнцемъ, льющимся съ ярко синяго неба, открываетъ такую своеобразную картину, что непривычному путешественнику кажется, что онъ очутился на какомъ-то театральномъ представленіи.

Куда бы вы ни попали на Балканскомъ полуостровѣ—до самыхъ высокихъ горныхъ проходовъ—повсюду вы встрѣтите эти удивительные фонтаны. Не одинъ правовѣрный, умирая, завѣщалъ съ этой цѣлью вакуфамъ [1]) свое имущество, чтобы каждый вѣрующій, гдѣ бы онъ ни очутился, имѣлъ возможность исполнить велѣніе закона и совершить обрядъ омовенія.

---

[1]) Собственно *вакуфами* называются движимость или недвижимость, пожертвованная мечетямъ на какія-нибудь благотворительныя цѣли.

А вотъ и *чаршія* или торговый кварталъ, напоминающій огромную ярмарку. Тутъ картина уже совсѣмъ въ восточномъ вкусѣ, о которой мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Отъ просторной площади съ неизмѣннымъ фонтаномъ и турецкой кофейной посерединѣ, расходится во всѣ стороны цѣлая сѣть уличекъ, исключительно заполненная всевозможными лавченками. Чего тутъ только нѣтъ! И не будь все такъ мудро распредѣлено здѣсь—ни за что бы не разобраться растерявшемуся обывателю. Но боснякъ прекрасно знаетъ, куда ему направиться за нужной вещью: каждому ремеслу отведена отдѣльная уличка. И что всего любопытнѣе—тутъ ремесленникъ въ одно и то же время и мастеръ и купецъ: онъ сидитъ въ своей открытой лавченкѣ и прямо работаетъ на глазахъ у публики, а завернетъ покупатель—бросаетъ работу и тотчасъ же превращается въ купца... Сама лавка совершенно открыта для божьяго свѣта; на ночь она закрывается двумя ставнями, прикрѣпленными сверху и снизу. Утромъ, когда лавочка открывается, верхній ставень приподнимается и получается навѣсъ, нижній же превращается въ прилавокъ, на которомъ раскладываются товары; тутъ же, скрестивши подъ себя ноги, преважно возсѣдаетъ и самъ купецъ.

Особенно многочисленны здѣсь мѣдницкія съ ихъ великолѣпными издѣліями; на нѣкоторыхъ сосудахъ рисунки по своей красотѣ напоминаютъ зна-

менитую древне-греческую утварь. А вотъ и улица сапожниковъ; сидя на корточкахъ подъ своими навѣсами, они безъ устали изготовляютъ всевозможную восточную обувь: тутъ и сапожки изъ краснаго и желтаго сафьяна и изящныя бархатныя туфельки, на которыя съ такой жадностью заглядываются юныя щеголихи, а главное—цѣлое море опанокъ—этой излюбленной обуви всѣхъ южныхъ славянъ. Изъ кожаныхъ издѣлій останавливаютъ на себя вниманіе очень широкіе пояса—въ нѣсколько рядовъ, но и тутъ, конечно, имѣются въ виду и богатство и бѣдность: для бѣдной, обездоленной райи они изготовляются совершенно простые, а къ услугамъ богатаго напыщеннаго бега имѣются пояса со всевозможными украшеніями, роскошно расшитые разноцвѣтными яркими шелками.

А вотъ и совсѣмъ необычное зрѣлище: прямо на землѣ, неподвижныя, какъ истуканы, сидятъ съ своими товарами мусульманскія женщины. Лица ихъ закутаны яшмакомъ [1]), широкія складки неуклюжаго фереджé [2]) тщательно скрываютъ станъ отъ любопытныхъ взоровъ прохожихъ. Возлѣ каждой изъ нихъ лежатъ товары—вышитые платки, салфетки и другія работы, на которыя такія мастерицы здѣшнія женщины. Но если вы подойдете и начнете разсматривать товаръ—мусульманка не сдѣлаетъ ни одного движенія, не вымолвитъ ни еди-

---

[1]) Покрываломъ.

[2]) Такъ называется верхнее одѣяніе боснійскихъ мусульманокъ.

наго слова, а продолжаетъ сидѣть какъ изваяніе, покуда вы не спросите о цѣнѣ. И это при всей ихъ видимой бѣдности и при всемъ желаніи сбыть свой товаръ! Но велѣнія мусульманскаго закона, отводящія женщинѣ такое унизительное мѣсто, такъ прочно впѣдрились въ ея сознаніи, что вмѣстѣ съ безобразнымъ покрываломъ сомкнули и уста.....

Любопытно взглянуть и на покупателей въ ихъ пестрыхъ, живописныхъ нарядахъ. Мелькаютъ бѣлыя, красныя и зеленыя чалмы—эти своеобразные головные уборы въ чисто восточномъ вкусѣ, широкіе голубые или красные шаровары, разноцвѣтныя куртки. Вотъ гордый ага увѣренно пробирается сквозь толпу; по давней привычкѣ онъ съ презрѣніемъ поглядываетъ на жалкую, оборванную райю, явившуюся продавать индѣекъ, гусей, овецъ и превкусную форель. А вотъ и важный бегъ, гордо возсѣдающій на своемъ крѣпконогомъ маленькомъ конѣ; впереди его суетятся служители, расчищая путь своему господину, а народъ съ почтеніемъ сторонится. Это все еще остатки средневѣковыхъ отношеній между взысканными судьбой господами и простымъ людомъ, которыя преблагополучно дошли и до нашихъ дней.....

Чтобы покончить съ чаршіемъ, мы должны сказать, что почти всѣ ремесла сосредоточены здѣсь въ рукахъ мусульманъ, хотя можно встрѣтить торговцевъ христіанъ и евреевъ. Но какъ различна самая манера торговать у каждаго изъ нихъ! Му-

сульманинъ всегда дѣйствуетъ на чистоту—онъ никогда не навязываетъ своего товара, назначаетъ настоящую цѣну и не торгуется съ покупателемъ. Христіанинъ же или еврей непремѣнно запроситъ втридорога, немилосердно колотится, спускаетъ цѣну на половину и въ концѣ концовъ наживаетъ все-таки гораздо больше мусульманина. По взаимному соглашенію — изъ уваженія къ тремъ различнымъ религіямъ торгующихъ—дѣла въ чаршіи останавливаются на три дня въ недѣлю: по пятницамъ, потому что ее празднуютъ магометане, по субботамъ изъ-за евреевъ, и по воскресеньямъ — какъ дань христіанамъ. Этотъ торговый кварталъ населенъ лишь днемъ—ремесленникъ-боснякъ не живетъ при своей лавочкѣ, а ютится по окрестнымъ холмамъ среди зелени и деревьевъ. Чаршія оживаетъ лишь къ 9-ти часамъ утра, когда мусульманинъ, совершивъ свое омовеніе и возлавъ хвалу

Продавецъ прохладительныхъ напитковъ въ Сараевѣ.

Богу, является открывать свою лавочку-мастерскую, и запираетъ вмѣстѣ съ солнечнымъ закатомъ—въ тотъ часъ, когда Коранъ предписываетъ прекращать всякія торговыя сдѣлки: вѣдь вечеромъ гораздо легче обмѣрить или обвѣсить покупателя, а мудрый законъ стремится установить справедливыя и честныя отношенія между людьми. Если вообще мусульманинъ крѣпко держится за свою вѣру, то о боснякѣ можно сказать еще больше: этотъ чистокровный сербъ по происхожденію такъ слѣпо исполняетъ велѣнія своего пророка, какъ ни одинъ природный турокъ.

Но вотъ, наконецъ, кончилась чаршія. Предъ нами большая мечеть Узревъ-Бега, названная такъ по имени ея основателя. Тутъ же находится и капище, въ которомъ покоится прахъ Узревъ-Бега и его жены, а передъ самой мечетью—галлерея, поддерживаемая красивыми колоннами съ карнизами и основаніями изъ бронзы. Здѣсь помѣщаются покойники, прежде чѣмъ предаютъ ихъ землѣ. Въ Сараевѣ насчитывается не одинъ десятокъ мусульманскихъ церквей, но эта мечеть считается главной. Предъ нею просторный дворъ, окруженный стѣною. Посреди двора на бѣломъ мраморномъ помостѣ, красуется роскошный фонтанъ; сѣнь исполинскаго дерева, точно шапкой прикрываетъ его, бросая причудливыя тѣни на яркую бѣлизну мрамора. Поверхъ фонтана высится куполъ, стройно поддерживаемый многочисленными колоннами,

Магометанская мечеть.

а въ промежуткахъ между ними идутъ скамейки. Свѣжесть воды, прохлада душистой листвы и благоговѣйная тишина священнаго мѣста — все такъ и манитъ сюда путника. Изъ девяти кранов ъ фонтана съ ласковымъ журчаніемъ льется вода въ нижній водоемъ; нѣсколько правовѣрныхъ сосредоточенно совершаютъ омовеніе передъ тѣмъ, какъ войти въ мечеть. Тщательно моютъ они ноги, руки до локтей, и въ особенности шею, уши и носъ. Они заранѣе уже проникаются тѣмъ благоговѣйнымъ чувствомъ, которое уноситъ ихъ въ высшій міръ, далеко отъ житейскихъ дрязгъ, отъ скучной земли съ ея мелкимъ горемъ, и мелкими радостями. И гдѣ бы ни находился правовѣрный—въ пути ли, на морѣ, въ лѣсу—онъ въ положенный часъ неизмѣнно совершаетъ свои моленія, мѣрно покачиваясь изъ стороны въ сторону, ни мало не заботясь о томъ, кто окружаетъ его....

Вотъ уже близится солнечный закатъ; таинственная пелена скоро окутаетъ усталую землю. Сквозь окрестную тишину вдругъ раздается, унылый, протяжный призывъ: то муэдзинъ [1]), стоя на освѣщенномъ заревомъ заходящаго солнца минаретѣ [2]), созываетъ правовѣрныхъ вознести въ послѣдній разъ хвалу Аллаху и его великому пророку.

---

[1]) Магометанинъ, созывающій правовѣрныхъ на молитву.

[2]) Башня на мечети, съ которой муэдзины возвѣщаютъ правовѣрнымъ часъ молитвы.

— „Богъ великъ и всемогущъ. Нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ Его пророкъ. Собирайтесь въ царство Божіе, въ мѣсто справедливости! Войдите въ жилище блаженства“,—звенятъ въ воздухѣ и далеко разносятся вокругъ прекрасныя слова. А вѣрующіе все толпятся у журчащаго фонтана, торопясь окончить омовеніе и поскорѣе укрыться въ мечеть. Здѣсь ничто не развлекаетъ благоговѣйнаго настроенія молящихся: нѣтъ ни картинъ, ни статуй, ни иконъ — какъ въ христіанскихъ храмахъ. Вѣрующіе прямо сидятъ на коврикахъ, поджавъ подъ себя ноги, читаютъ свои молитвы, цѣлуя время отъ времени землю, и духъ ихъ непосредственно возносится къ Единому, Милосердому Богу.

Тутъ же возлѣ храма находится и *медресѐ*. Это высшая мусульманская школа, гдѣ молодые люди изучаютъ Коранъ въ его мельчайшихъ подробностяхъ. Эти ученые современемъ займутъ высшія мѣста среди духовенства, судей, учителей и т. д. Каждому ученику отведена крошечная келья, гдѣ онъ проводитъ много лѣтъ и самъ готовитъ себѣ пищу. Содержится школа опять-таки на доходы съ церковныхъ имуществъ (вакуфовъ), пожертвованныхъ съ этою цѣлью богатыми вѣрующими.

Неподалеку отъ мечети находится и главная баня. Это великолѣпное мусульманское учрежденіе состоитъ изъ цѣлаго ряда круглыхъ зданій съ стеклянными куполами наверху, откуда свѣтъ и про-

никастъ внутрь. Баня содержится довольно чисто и на подобіе древнихъ римскихъ бань нагрѣвается подземными каналами. Послушные велѣніямъ своей вѣры, одни только мусульмане и сохранили это замѣчательное учрежденіе древняго міра. И какое бы крошечное мѣстечко вы ни посѣтили на Балканскомъ полуостровѣ — разъ среди жителей есть мусульмане, вы непремѣнно найдете и общественную баню. Мужчины—даже самый захудалый бѣднякъ—посѣщаютъ ее очень часто, женщины же непремѣнно бываютъ хоть разъ въ недѣлю. А стоитъ только выселиться куда-нибудь мусульманамъ, какъ тотчасъ же закрываются и бани. Объ этомъ нельзя не пожалѣть: вѣдь такія полезныя и важныя для здоровья учрежденія еще съ древнихъ временъ оказывали людямъ неоцѣнимыя услуги.

Жилище босняка или герцеговинца построено, обыкновенно, изъ сѣраго камня, котораго такое изобиліе въ странѣ. Конечно, величина дома, отдѣлка его — зависятъ отъ достатка владѣльца, а такъ какъ болѣе зажиточные въ странѣ лица — мусульмане, то, какъ по наружному виду, такъ и по внутреннему убранству, дома ихъ будутъ богаче христіанскихъ. Куда ужъ жалкой полуголодной райѣ думать о красотѣ жилища! Было бы куда голову преклонить, да укрыться мало-мальски отъ непогоды и зимней стужи—о большемъ мечтать бѣдному человѣку не приходится....

Хотя боснякъ-магометанинъ всегда имѣетъ только одну жену, но онъ исполняетъ велѣнія своей вѣры строже, чѣмъ истинный турокъ. Вотъ почему домъ его, какъ и повсюду въ мусульманскомъ мірѣ, непремѣнно состоитъ изъ двухъ совершенно отдѣльныхъ половинъ: мужской и женской. Комнаты во всемъ домѣ нигдѣ не сообщаются между собою, а дверь каждой изъ нихъ выходитъ или на галлерею, которая идетъ вокругъ дома, или же въ коридоръ. Мужская половина, или *селямликъ*, состоитъ изъ довольно грязной, пустой передней и просторной пріемной комнаты. Тутъ вдоль трехъ стѣнъ идетъ возвышеніе, сколоченное изъ досокъ, устланное ковромъ и обложенное подушками, на которыхъ сидятъ; самый полъ также устланъ коврами, а стѣны увѣшаны краснвымъ оружіемъ хозяина. Вдоль четвертой стѣны, обыкновенно ближайшей ко входу, приспособлена довольно широкая, досчатая загородка, не совсѣмъ доходящая до потолка; въ ней устроены различныя хозяйственныя помѣщенія — шкапчики съ дверцами и полочками для кофейниковъ и чашекъ, и другія удобства. Загородка эта всегда идетъ отъ одной стѣны къ другой, а противъ двери въ ней сдѣланъ проходъ въ видѣ арки [1]). У болѣе зажиточныхъ людей потолокъ въ пріемной комнатѣ непремѣнно расписанъ яркими красными, желтыми, зе-

---

1) *Арка*—отверстіе въ стѣнѣ, имѣющее полукруглый верхъ, или другой какой-либо формы.

леными и другими полосами. Остальныя комнаты поменьше, но убранство въ нихъ тоже самое, только ковры похуже и погрязнѣе, да потолки не разрисованы. Зимою жестоко холодно въ этихъ комнатахъ: рамы прилажены плохо и черезъ щели свободно врывается вѣтеръ, а сквозь незащищенную крышу нерѣдко проходитъ снѣгъ и дождь. На мужской половинѣ находится и балконъ, гдѣ хозяинъ любитъ коротать свои досуги, покуривая душистый кальянъ.

На женской половинѣ окна заставлены частой рѣшеткой изъ деревянныхъ палочекъ или изъ нарѣзанной бумаги,—такъ что въ комнатѣ постоянный полумракъ. Предосторожность эта принята для того, чтобы женщины на всякій случай были лучше укрыты отъ любопытныхъ взоровъ посторонних мужчинъ. *Гаремъ*, какъ называется эта женская половина, не отличается ни красотой, ни убранствомъ; за исключеніемъ домовъ очень богатыхъ бековъ, онъ напоминаетъ скорѣе монашескую келью. Полъ по большей части дурно пастланъ, наполовину прикрытъ цыновкою и старыми коврами; нѣтъ ни стола, ни стула, ни кровати, а всю мебель составляютъ широкія деревянныя скамейки вокругъ стѣны; онѣ застланы коврами и служатъ днемъ для сидѣнья, а ночью для сна. Надо замѣтить, что всѣ вообще жилыя комнаты находятся, обыкновенно, въ верхнемъ этажѣ, низъ же служитъ прихожей, иногда магазиномъ, а то и просто ко-

нюшней. Этотъ нижній этажъ выдвигается, обыкновенно, нѣсколько впередъ, такъ что образуетъ выступъ, поддерживаемый маленькими колонками или упорами; благодаря этому домъ снаружи имѣетъ довольно красивый видъ. Христіанскіе дома въ городахъ строятся точно также; въ деревняхъ же жилище босняка неизмѣримо бѣднѣе. Дѣлается оно изъ плетня, покрытаго дубовыми дранницами, и освѣщается двумя слуховыми окнами безъ стеколъ, но со ставнями. Такая хижина дѣлится на двѣ комнатки: въ первой стряпаютъ кушанья, а вторая служитъ спальней. Боснякъ отапливаетъ свое жилище по черному, такъ что первая комната совершенно почернѣла отъ дыма, который пробирается всюду и наружу выходитъ сквозь обильныя щели въ крышѣ. Остовъ этой крыши—какъ на ладони, такъ какъ потолка не существуетъ. Первое что бросается вамъ въ глаза, когда вы входите къ босній̆скому крестьянину — это огнище съ спускающеюся надъ нимъ цѣпью; къ крюку подвѣшивается котелокъ, въ которомъ варится неизмѣнная кукуруза — главная пища бѣдняка. Въ комнатѣ нѣтъ почти никакой мебели: ни стола, ни посуды; двѣ-три деревянныя скамейки, одинъ-другой котелокъ, да кое-какія земледѣльческія орудія — вотъ все, что вы найдете въ ней. Тоже самое и въ спальнѣ: нѣтъ ни стола, ни постелей, а все убранство состоитъ изъ пары сундуковъ, гдѣ хранится одежда хозяевъ; тутъ и гордость босній̆скихъ женщинъ—

прекрасно расшитыя нарядныя рубашки. Вся семья спитъ на земляномъ полу, для чего на почь разстилается старый коверъ. Въ этой комнатѣ стѣны уже выбѣлены, такъ какъ дымъ изъ небольшой печки, приспособленной въ углу, удаляется въ смежный очагъ при помощи глиняной трубы; изъ нѣсколькихъ досокъ сколоченъ и потолокъ, надъ которымъ высится чердакъ, гдѣ хранятся кое-какіе припасы. Въ общемъ, какъ видите, непривѣтно здѣсь жилище бѣдняка, какъ и повсюду.

Одежда босняка или герцеговинца какъ по внѣшнему виду, такъ и по качеству ткани, зависитъ прежде всего отъ достатка каждаго. А такъ какъ богатый классъ въ этой странѣ главнымъ образомъ составляютъ магометане, а бѣднота принадлежитъ къ христіанскому вѣроисповѣданію, то и одежда ихъ, слѣдовательно, во многомъ различается между собой.

Выйдемъ въ поле въ рабочую пору. Вонъ она вѣками обездоленная райя, въ потѣ лица добывающая свой скудный хлѣбъ! Мужчины и женщины взрываютъ мотыкою свою кормилицу-землю, изъ которой ужъ выглянула на свѣтъ Божій кукуруза. давшая первые два листка. На женщинахъ лишь длинныя рубашки изъ грубой пеньковой матеріи, да и тѣ приподняты повыше колѣнъ, чтобы вольнѣе было работать, черный передникъ и цвѣтной платокъ на головѣ — вотъ и весь незатѣйливый

На полѣ.

нарядъ. Не до щегольства тутъ боснійской крестьянкѣ, когда въ глазахъ темнѣетъ отъ непосильнаго труда. На мужчинахъ широкіе панталоны изъ грубаго бѣлаго сукна да пеньковыя рубашки; на головѣ небольшая войлочная шапочка, обмотанная бѣлою ветошью — какое-то жалкое подобіе чалмы, темный кожаный поясъ охватываетъ станъ. И почти вся эта одежда выткана дома—тѣми загрубѣлыми женскими руками, которыхъ безжалостная доля—неутомимо работать до самой могилы...

Лица у всѣхъ усталыя, изможденныя, обожженныя солнцемъ. А вѣдь почва здѣсь плодородная, кругомъ же такая Божья краса, что не оторвешь глазъ! Горы съ ихъ разноцвѣтными отливами столпились со всѣхъ сторонъ, точно любопытствуя взглянуть на жалкуя людскую долю. Вонъ въ ущельѣ, возлѣ рѣки, ютится городокъ; какъ игрушечные, весело красуются на яркомъ солнцѣ крошечные домики, отчетливо вырисовываются мечети съ своими бѣлыми минаретами; виденъ и водопадъ, игриво сбѣгающій со склона одной горы. Пѣнясь и брызгая, онъ переливаетъ тысячами разноцвѣтныхъ брилліантовъ, стремительно уносясь книзу. А жалкіе полуодѣтые люди, въ погонѣ за кускомъ хлѣба копошатся въ землѣ, терпѣливо какъ муравьи, и не замѣчаютъ какая дивная красота окружаетъ ихъ...

А вотъ и другая картина: зажиточный ага собирается въ путь. Его бѣлоснѣжная чалма живо-

писно обвиваетъ голову, темнаго цвѣта куртка изъ заграничнаго сукна красиво облегаетъ станъ. Вотъ пола ея нечаянно отвернулась и показалась черная шелковая подкладка; широкія шаровары густокраснаго цвѣта спускаются нѣсколько ниже колѣнъ; изъ подъ высокаго кожанаго пояса, расшитаго разноцвѣтными шелками и украшеннаго серебромъ, выглядываютъ необходимые въ обиходѣ предметы; среди нихъ и неизмѣнная трубка съ вишневымъ чубукомъ, которая будетъ услаждать его въ пути. Этотъ помѣщикъ-мусульманинъ хотя и собирается сейчасъ отправиться по желѣзной дорогѣ, но захватилъ съ собой сѣдло и коверъ. По пріѣздѣ на мѣсто ему придется нанимать гдѣ-нибудь верховую лошадь — вѣдь дороги въ краѣ такъ плохи, что иначе и не проѣдешь, какъ верхомъ; христіанская же райя настолько бѣдна, что если и найдется крестьянинъ, который дастъ вамъ лошадь, то сѣдла-то у него уже навѣрное не будетъ. А коверъ нуженъ для молитвы, которую боснякъ-магометанинъ неизмѣнно выполняетъ въ положенное время, такъ же, какъ и на случай отдыха: въ здѣшнихъ ханахъ [1]) не полагается ни постелей, ни матрацовъ.

Но вотъ и жена богатаго мусульманина. Таинственный *яшмакъ* (покрывало) закрываетъ ея лицо; такъ плотно закутано оно, что трудно дога-

[1]) Постоялыхъ дворахъ.

даться—молодость ли сокрыта подъ нимъ или изжившая себя старость. Точно такъ же и станъ: широкія складки *ферадже*—этого верхняго одѣянія мусульманскихъ женщинъ—одинаково равняютъ и молодыхъ и старыхъ, красивыхъ и безобразныхъ. Какъ ни недовольна подчасъ иная красавица, но скрѣпя сердце подчиняется суровому закону, который требуетъ, чтобы женщина не привлекала на себя любопытныхъ взоровъ постороннихъ мужчинъ...

Боснія страна плодородная — природа щедро наградила ее своими дарами, но мы уже знаемъ, что земледѣльцы, проводящіе всю свою жизнь въ неутомимомъ трудѣ, далеко не процвѣтаютъ въ ней. Если въ обѣденное время завернуть въ убогую хижину кмета, то мы увидимъ, что скромная трапеза его состоитъ, главнымъ образомъ, изъ кукурузнаго хлѣба, вареной кукурузы да куска козьяго сыра. Одно изъ самыхъ любимыхъ блюдъ босняковъ составляютъ яйца, приправленныя кислой подливкой и чеснокомъ, но не всякій ими можетъ лакомиться.

Мы уже говорили, что коровы здѣсь необыкновенно мелкорослы и почти не даютъ удоя, такъ что въ ходу больше козье молоко, изъ котораго и выдѣлывается сыръ довольно низкаго качества; масло также составляетъ рѣдкое лакомство. Въ странѣ часто встрѣчаются улья, такъ что медъ замѣняетъ собой сахаръ, а изъ воска приготовляются свѣчи,

которыя играютъ такую важную роль при обрядахъ православныхъ босняковъ.

Мясо составляетъ здѣсь рѣдкое блюдо, которое обездоленный кметъ можетъ позволить себѣ лишь въ праздники или семейныя торжества. Любитъ православный сербъ и свинину, при чемъ свиней растятъ здѣсь прямо на волѣ—въ дубовыхъ лѣсахъ, откармливая ихъ желудями. Онѣ пребываютъ почти въ дикомъ состояніи, напоминая кабановъ, и на своихъ длинныхъ ногахъ бѣгаютъ не хуже борзыхъ собакъ. Въ Босніи, а особенно въ Герцеговинѣ, много овецъ и козъ, составляющихъ большое подспорье въ крестьянскомъ хозяйствѣ; вѣдь мусульманинъ изъ всѣхъ видовъ мяса больше всего любитъ баранину, такъ что она представляетъ ходкій товаръ въ странѣ; шерсть же, хотя и довольно грубая, идетъ на выдѣлку сукна и ковровъ, чѣмъ въ каждой семьѣ неизмѣнно занимаются женщины. Къ сожалѣнію, козы наносятъ огромный вредъ лѣсамъ: здѣсь пастухи на все лѣто покидаютъ равнины, угоняя стада въ горы—на пастбища и въ лѣса, гдѣ козы и уничтожаютъ немилосердно молодые побѣги.

Изъ напитковъ самый распространенный—черный кофе (безъ молока), хотя бы и безъ сахара. Въ послѣднее время въ моду начинаетъ входить и чай, но пока прививается туго и то больше въ городахъ. Изъ крѣпкихъ напитковъ боснякъ больше всего предпочитаетъ свою любимую *ракію*—родъ

водки, приготовляемой изъ сливъ, которыми такъ славится Боснія. Виноградное вино ввозится изъ Герцеговины, гдѣ виноградъ созрѣваетъ повсюду, особенно же богата имъ долина Неретвы, возлѣ Мостара и Коньица. Но, конечно, такую роскошь могутъ позволить себѣ только люди достаточные, бѣднякъ же благодаритъ Бога и за добрую рюмку ракіи.

Боснякъ-мусульманинъ хотя ѣстъ и сытнѣе, но и его пища довольно однообразна. Зажиточный бегъ не жалѣетъ денегъ на содержаніе прислуги и лошадей, на красивую конскую сбрую или дорогое оружіе, которымъ онъ украшаетъ стѣны своего селямлика, но въ пищѣ не роскошествуетъ. Къ обѣду подается *погачъ* — родъ прѣснаго пшеничнаго хлѣба, очень тяжелый и твердый, *чорба* или кислое молоко, куски жареной на вертелѣ баранины, и любимое блюдо всякаго магометанина—вѣчный и неизмѣнный *пилавъ*, приготовляемый изъ риса, перемѣшаннаго съ мелко изрубленной бараниной; наконецъ, на послѣднее полагается *пита*—мучнистое и сладкое блюдо, не особенно удовлетворяющее вкусу европейца. Всѣ эти кушанья разставливаются на огромномъ мѣдномъ подносѣ, приспособленномъ къ низенькой деревянной подставкѣ, такъ что получается нѣчто въ родѣ своеобразнаго стола. Стульевъ, конечно, не полагается, а вся семья усаживается прямо на полъ, скрестивъ подъ себя ноги по-турецки. Передъ началомъ тра-

пезы приносятъ умывальникъ: всѣ моютъ руки, вытирая ихъ тонкимъ, превосходно вышитымъ полотенцемъ. Каждому полагается по деревянной ложкѣ, но твердую пищу берутъ прямо пальцами. Послѣ обѣда подаютъ кофе и излюбленный кальянъ, безъ котораго магометанину жизнь не въ радость. Но зато гостя тщеславный бегъ приметъ на славу и ничего не пожалѣетъ, лишь бы блеснуть своимъ достаткомъ и не ударить лицомъ въ грязь.

Любитъ боснякъ-мусульманинъ коротать время въ турецкихъ кофейняхъ, гдѣ въ обществѣ другихъ посѣтителей отводитъ душу въ разговорахъ за чашкой кофе и душистымъ кальяномъ. Порою завернетъ сюда и какой-нибудь старикъ съ тамбурой [1]) и начнетъ услаждать слухъ гостей. Такія кофейни очень распространены въ краѣ. Двери и окна здѣсь гостепріимно раскрыты; и тутъ нѣтъ никакой мебели, кромѣ деревянныхъ лавокъ вокругъ стѣнъ, гдѣ поджавъ подъ себя ноги чинно возсѣдаютъ посѣтители. Кофе варится тутъ же, на глазахъ у публики. Для этого въ углубленіи комнаты устроенъ каминъ, гдѣ на горячихъ угольяхъ варится отдѣльно каждая заказанная чашка кофе. Приставленный для этого кафеджи [2]) беретъ крошечный мѣдный кофейникъ, всыпаетъ въ него мѣрочку молотаго кофе и опредѣленную порцію

---

[1]) Любимый музыкальный инструментъ мусульманъ въ Босніи и Герцеговинѣ—нѣчто въ родѣ нашей балалайки.

[2]) Такъ называется человѣкъ, приготовляющій кофе.

сахара, наливаетъ воды и ставитъ на уголья. Продержавъ такъ не больше минуты, онъ наливаетъ горячій кофе прямо съ гущею въ чашечку, похожую на тѣ фарфоровыя рюмочки, которыя употребляются у насъ для яицъ въ смятку. Турецкій кофе въ большой чести не только здѣсь, въ Босніи и Герцеговинѣ, но и по всему Балканскому полуострову, такъ что каждый путешественникъ, на всякій случай, имѣетъ тамъ у себя за поясомъ маленькую кофейную мельницу, очень остроумно приспособленную въ видѣ трубки.

ГЛАВА V.

Сватовство, свадьба и похороны. Характеръ босняковъ и герцеговинцевъ. Нравы.—Побратимство и посестримство.

Семейная жизнь въ Босніи и Герцеговинѣ начинается очень рано, какъ, впрочемъ, и вездѣ на югѣ. Тамъ дѣвушка въ 14—15 лѣтъ считается невѣстой и въ этомъ нѣжномъ раннемъ возрастѣ ей приходится уже навѣки проститься съ беззаботной дѣвической жизнью. Сватовство же начинается и того раньше, а въ старину былъ обычай обручать дѣтей съ колыбели. Хотя семейное начало еще довольно сильно у сербовъ и сыну, обыкновенно, высматриваетъ невѣсту отецъ, а все же молодежь стремится устраивать свое счастье по своему—жениться и выходить замужъ по любви.

Но вотъ, напримѣръ, дѣло слажено: жешихъ облюбовалъ невѣсту, родные одобрили его выборъ и начинается сватовство. У сербовъ дѣло это обставлено довольно сложно: тутъ всѣ обычаи освящены временемъ и привычкой и неизмѣнно выполняются въ каждой семьѣ. Прежде всего назначается день такъ называемой *малой просьбы*. т.-е. выбирается одинъ изъ уважаемыхъ родственниковъ жениха и снаряжается къ родителямъ невѣсты просить ея руки. Но пока дѣло это считается чисто семейнымъ и держится втайнѣ—на случай возможнаго отказа.

Однако, начало сдѣлано счастливо: свата встрѣтили съ подобающимъ почетомъ, усадили возлѣ огнища, и хотя всѣ прекрасно знаютъ въ чемъ дѣло, разговоры ведутся самые постороннiе. Начинается угощенiе. И вотъ пропустивъ рюмочку-другую доброй ракiи, сватъ, наконецъ, избираетъ прямой путь.

— Вотъ что, старина: приглянулась твоя красавица-дочь моему племяннику — согласенъ ты породниться съ нами?

— Что-жъ,— съ виду равнодушно отвѣчаетъ тотъ—я-то ничего не имѣю противъ, а вотъ что скажетъ невѣста—надо ее спросить...

Всѣ эти приличiя соблюдаются, конечно, только для видимости, такъ какъ сватовство это давно уже предвидѣлось обѣими семьями. Но все же отецъ зоветъ жену и дочь и сообщаетъ имъ о

предложеніи свата. Молодая дѣвушка стоитъ потупившись, и упорно молчитъ, что считается у сербовъ знакомъ согласія...

— Ну, берите ее!—торжественно провозглашаетъ отецъ.—Дай Богъ, чтобы она принесла счастье вашему роду!

— Хвала тебѣ, братъ!—отвѣчаетъ сватъ обычнымъ возгласомъ.

Онъ обнимается съ будущимъ родственникомъ, достаетъ золотой и преподноситъ его невѣстѣ. Та беретъ его и это показываетъ окончательное согласіе ея: разъ дѣвица не согласна на предложеніе, она ни за что не возьметъ и денегъ.

Такъ благополучно закончилась „малая просьба“. Но все же обѣ стороны, по обычаю, не разглашаютъ радостнаго событія, пока не назначатъ дня для *великой просьбы*. А эта послѣдняя церемонія состоитъ въ томъ, что теперь изъ рода жениха выбираются четыре свата съ отцомъ его во главѣ, и всенародно отправляются въ домъ невѣсты просить ея руки. Получивъ лично согласіе своего будущаго родственника, женихов отецъ даритъ невѣстѣ кольцо, которое она тутъ же надѣваетъ на палецъ. Начинается угощеніе, за которымъ присутствуетъ и счастливая невѣста. До поздней ночи коротаютъ гости время подъ звонъ гуслей и пѣніе молодежи; вспоминается прежнее время, толкуютъ о будущемъ, то и дѣло провозглашаются „здравицы“ за каждаго изъ присутствующихъ.

Во время пиршества происходитъ обмѣнъ подарками: сваты преподносятъ хозяевамъ опанки, рубашки, платки; женщинамъ дарятъ мыло, различныя ожерелья изъ бусъ или серебряныхъ монетъ со всевозможными побрякушками, до которыхъ сербскія щеголихи такія же охотницы, какъ и женщины другихъ южныхъ народовъ. Невѣста получаетъ отъ будущаго свекра большое румяное яблоко съ цѣнной монетой внутри: это пожеланіе ей цвѣтущаго потомства, богатства и довольства. А она въ отвѣтъ подноситъ ему рубашку, завернутую въ платокъ: послѣднее должно свидѣтельствовать ея особое уваженіе къ нему... Тутъ же невѣста, по обычаю, передаетъ подарокъ брату, одариваетъ и другихъ гостей.

Свадьба назначается, обыкновенно, черезъ годъ послѣ „великой просьбы“, случается что и позже. Невѣста пока усердно готовитъ приданое, вышиваетъ свои удивительныя рубашки—гордость сербской женщины — которыми такъ восхищаются европейцы. Когда приближается самое торжество— что по большей части бываетъ по окончаніи полевыхъ работъ—съ обѣихъ сторонъ опять выбираютъ сватовъ и уславливаются насчетъ *увоза невѣсты*. Этотъ древній обычай, ведущій свое начало со временъ сѣдой старины, состоитъ въ томъ, что за невѣстой пріѣзжаетъ цѣлый свадебный поѣздъ и увозитъ ее въ село жениха, гдѣ и происходитъ обрядъ вѣнчанія.

Накапунѣ свадьбы въ домѣ жениха толпится молодежь: его друзья и пріятели, вмѣстѣ съ выбранными изъ ихъ же среды сватами, пришли отпраздновать съ нимъ послѣдній день его свободной холостой жизни. Уже съ утра ему шлютъ со всѣхъ сторонъ подарки—большіе хлѣбы, водку, вино, жареную баранину. И вотъ начинается пиръ горой и гости съ честью провожаютъ своего хозяина на новую жизнь, гдѣ беззаботное веселье уступитъ мѣсто тяжелой заботѣ...

Тутъ же сваты распредѣляютъ и свои важныя обязанности на завтрашнемъ торжествѣ. Избирается *первенецъ*—такъ называется первый вѣстникъ, который пойдетъ впереди свадебнаго поѣзда и дастъ знать роднымъ невѣсты о приближеніи жениха. За нимъ идетъ *старый сватъ*—почтенный уважаемый старикъ, мастеръ говорить заздравныя рѣчи; а тамъ *два шафера*—родные или двоюродные братья жениха, за неимѣніемъ же ихъ—ближайшіе родственники, и наконецъ—*воевода* и *кумъ*. Въ свадебномъ поѣздѣ участвуютъ только одни мужчины.

Но вотъ настало утро. Всѣ готовы и многолюдный поѣздъ пускается въ путь. А главный виновникъ торжества—женихъ—остается дома: такъ требуетъ старинный обычай. Нерѣдко проходитъ нѣсколько дней, пока сваты доберутся до невѣсты: при разбросанности здѣшнихъ селъ, при трудности сообщенія въ гористыхъ мѣстностяхъ—это не-

удивительно. Вотъ почему путники берутъ съ собой изрядный запасъ водки и закусокъ, чтобы веселѣе скоротать время.

Наконецъ, показалось селеніе невѣсты. Жители выходятъ навстрѣчу и привѣтствуютъ сватовъ. Но лишь только близится домъ невѣсты, какъ впереди выступаетъ первенецъ, чтобы извѣстить о прибытіи ея родныхъ. Тотчасъ же съ вицомъ въ рукахъ изъ дома выходятъ братья и другіе родственники; они радостно привѣтствуютъ и угощаютъ прибывшихъ. Первыми вступаютъ въ домъ два шафера жениха; у одного въ рукахъ опанки (мѣстная обувь), которые онъ кладетъ подъ столъ, а другой несетъ бутылку краснаго вина и свадебный калачъ. Онъ передаетъ калачъ невѣстиному старому свату и тутъ, по обычаю, начинается самый безцеремонный заправскій торгъ.

— Позолотите его!--восклицаетъ старый сватъ.

А въ отвѣтъ ему старый сватъ жениха говоритъ:

— Въ добрый часъ! А сколько просите?

Долго торгуются оба свата, пока, наконецъ, столкуются и жениховъ сватъ кладетъ на хлѣбъ условленную сумму. А другой береть ее, разламываетъ надъ головой калачъ и высказываетъ невѣстѣ массу всевозможныхъ пожеланій. Начинается угощеніе, во время котораго краснорѣчивый старый сватъ жениха говоритъ заздравныя рѣчи, по большей части стихами, вызывающія веселье и одобреніе слушателей.

Но вотъ кончился пиръ и близится время отъѣзда невѣсты. Къ ней подходитъ одинъ изъ шаферовъ жениха и подноситъ новые опанки, которые, по обычаю, она тутъ же должна надѣть. Окруженная подругами и родственницами, она готовится къ разлукѣ съ родимымъ кровомъ. Сваты подхватываютъ ее, усаживаютъ на самое почетное мѣсто и потчуютъ виномъ; для виду она сначала отказывается, а тѣ упрашиваютъ ее до тѣхъ поръ, пока она не согласится выпить... Послѣ этого всѣ встаютъ и свадебный поѣздъ трогается въ обратный путь подъ звуки веселыхъ пѣсенъ. Невѣста выходитъ изъ дому, окруженная двумя шаферами. и лишь только она отойдетъ нѣсколько отъ родительскаго дома, какъ родители шлютъ ей въ догонку послѣдній привѣтъ:

— Прощай, родимая дочка!

И, по обычаю, она въ отвѣтъ непремѣнно должна оглянуться на покинутое родное гнѣздо.

Всю дорогу шафера зорко стерегутъ невѣсту. Обычай этотъ сохранился еще съ древнихъ временъ, когда молодые беги занимались увозомъ невѣстъ въ день свадьбы, считая это однимъ изъ самыхъ пріятныхъ развлеченій... Начиналась жестокая схватка между обѣими сторонами; случалось порою, что отбивъ нападеніе, шафера въ суматохѣ не замѣчали, что бѣжавшій съ позоромъ врагъ успѣвалъ захватить и невѣсту... Имена такихъ шаферовъ навѣки покрывались позоромъ и

въ народѣ сложилась даже поговорка—„какъ шафера безъ невѣсты“. Когда же обиженные сербы пробовали иногда жаловаться турецкимъ властямъ, то тѣ съ удивленіемъ отвѣчали:

— Непонятно! На что вы, собственно, жалуетесь? Развѣ ваши дочери не будутъ счастливѣе въ нашихъ гаремахъ, чѣмъ въ вашихъ убогихъ хижинахъ, гдѣ онѣ умираютъ съ голоду и работаютъ какъ лошади?

Но вотъ уже близится женихова деревня. Всѣ направляются въ церковь, гдѣ незамѣтно появляется и женихъ, и начинается обрядъ вѣнчанія, послѣ котораго молодой такъ же незамѣтно исчезаетъ, какъ и появился. Вслѣдъ за нимъ трогается и свадебный поѣздъ. А когда молодая подходитъ къ дому своего мужа, ее встрѣчаетъ свекровь, которая разстилаетъ на порогѣ шерстяное одѣяло: по нему она и вступаетъ въ свой новый домъ. Это значитъ, что молодая не должна быть болтлива, и языкъ ея долженъ быть нѣженъ и мягокъ какъ шерсть.... Снова начинается угощеніе и свадебныя пѣсни оглашаютъ воздухъ до утра.

Конецъ дѣвичьей волѣ.... Съ этого дня наступаетъ безпросвѣтная трудовая жизнь, особенно тяжкая у женщинъ обездоленной райи.

Не легко живется православному сербу въ Босніи и Герцеговинѣ, но еще труднѣе ему умирать: обычай создастъ здѣсь умирающему такую обста-

новку, которая можетъ удручающе подѣйствовать и на здороваго непривычнаго человѣка.

Когда окружающіе видятъ, что больной безнадеженъ, они прибѣгаютъ къ послѣднему средству: призываютъ священника, освящаютъ масло и мажутъ имъ умирающаго. А сосѣди, прослышавъ о близкой бѣдѣ, гурьбою тянутся къ избѣ и набиваются въ ней до того, что и здоровому скоро становится трудно дышать... Каждый тутъ же, не стѣсняясь, горюетъ надъ больнымъ по поводу близкой его кончины и все это вмѣстѣ взятое усиливаетъ тяжесть разставанія съ жизнью. Въ головахъ уже теплится восковая свѣча, а тутъ еще родные, по обычаю, пристаютъ съ своими распросами, боясь упустить какое-нибудь предсмертное распоряженіе.... Да, нелегко умираетъ измученный трудовой жизнью православный сербъ!

Лишь только умирающій отдаетъ Богу душу, его немедленно обмываютъ и одѣваютъ въ лучшій праздничный нарядъ. Покойника кладутъ на какой-нибудь досчатый помостъ или прямо на широкую лавку; мать, дочери и сестры садятся у его изголовья и начинаютъ его оплакивать. Онѣ тутъ же наперерывъ слагаютъ посмертныя пѣсни въ честь покойника, въ которыхъ воспѣваютъ его качества, и въ искусствѣ этомъ стараются перещеголять другъ друга. Надо однако замѣтить, что на мѣсто у изголовья дочери имѣютъ преимущество передъ сестрами: только когда послѣ покойнаго не оста-

лось дочерей, садятся его сестры, а если нѣтъ и сестеръ, то къ изголовью сына садится его мать; одна только жена умершаго никоимъ образомъ не можетъ занять это мѣсто.

Похороны назначаютъ вскорѣ послѣ смерти и не позже сутокъ, хотя законъ позволяетъ держать и дольше; но лѣтомъ боснякъ и герцеговинецъ не любитъ надолго оставлять въ домѣ покойника. Лишь для хозяина дома дѣлается исключеніе: если онъ умираетъ утромъ, то его непремѣнно держатъ до слѣдующаго дня — чтобы онъ еще разъ переночевалъ въ томъ домѣ, для котораго такъ много потрудился и положилъ столько горячихъ заботъ.

Какъ только хозяинъ умираетъ, ему обрѣзаютъ ногти и завязавъ въ какую-нибудь тряпочку, прячутъ ихъ на чердакъ такъ, чтобы никто не могъ найти. Дѣлается это для того, чтобы послѣ его смерти его замѣнилъ въ домѣ такой же хозяинъ, — работящій и дѣятельный, какъ онъ самъ.

Когда покойника уложатъ въ деревянный гробъ, то на то мѣсто, гдѣ онъ лежалъ, ставится тарелка съ мукою — чтобы умершій оставилъ послѣ себя счастье и благополучіе.

Въ прежнія времена гробъ полагался очень рѣдко и то только для почетныхъ лицъ, а прямо сбивались для выноса носилки, съ которыхъ потомъ тѣло и спускали въ могилу. Да и теперь необязательно хоронить въ гробу и словомъ этимъ сербъ и до сихъ поръ привыкъ называть самую могилу.

Послѣ выноса двери въ домѣ не затворяются до самаго конца похоронъ; точно также родные стараются все время не оглядываться назадъ, чтобы домъ не посѣтила и еще разъ смерть.... И могила тутъ не похожа на нашу: она выкапывается въ ростъ человѣка, края ея выкладываются камнями, а когда тѣло уже спущено на нихъ опираются своими концами положенныя поперекъ каменныя же плиты. Сербъ очень заботится, чтобы земля не давила потомъ тѣло, почему и устраиваетъ такъ старательно свои могилы.

Въ старину обрядъ отпѣванія и самые похороны сопровождались довольно дикими выходками присутствующихъ. И мужчины и женщины царапали себѣ лица ногтями, для чего не стригли бывало, ихъ или отращивали только на нѣкоторыхъ пальцахъ. Случалось, что ближайшія родственницы покойнаго обрѣзывали себѣ косы и клали ихъ на могилу; но теперь эти дикіе обычаи вывелись.

Послѣ похоронъ устраивается „трпеза“, (трапеза), т.-е. поминки по покойномъ. Такихъ трапезъ бываетъ четыре раза въ году: черезъ 7 дней послѣ смерти, 40 дней, полгода и годъ спустя. Кушанья на поминкахъ подаются въ самой старой и простой посудѣ—въ знакъ печали по покойномъ. Точно также не полагается больше 2—3 стаканчиковъ вина или водки на каждаго, иначе пьющіе развеселятся и исчезнетъ печаль по умершемъ. Еще наблюдается,

чтобы гости утирали руки непремѣнно однимъ и тѣмъ же полотенцемъ, а каждое кушанье приносится отдѣльно: два блюда заразъ приносить строго воспрещается... Не мало еще существуетъ примѣтъ и предразсудковъ на этотъ случай; въ одномъ мѣстѣ больше приняты одни, въ другомъ—другіе, но они неизмѣнно сопровождаютъ обрядъ погребенія, какъ впрочемъ и другія торжественныя событія въ жизни босняковъ и герцеговинцевъ.

Стоитъ сказать нѣсколько словъ и о сербскихъ кладбищахъ въ гористыхъ мѣстностяхъ. Такъ какъ у населенія мало лишняго мѣста и выкопать могилу стоитъ большого труда—вѣдь то и дѣло приходится разрывать при этомъ сплошной камень—то время отъ времени могилы здѣсь перекапываются, а кости смѣшиваются вмѣстѣ.

Посмотримъ теперь какъ умираетъ сербъ-мусульманинъ, жизнь котораго протекаетъ много легче и веселѣе, чѣмъ у обездоленной райи. Коранъ научилъ его покорности провидѣнію и такому мужеству, которому при случаѣ можно бы и позавидовать. Всѣ огорченія и удары судьбы мусульманинъ переноситъ безропотно. Онъ вмѣстѣ съ Іовомъ какъ бы говоритъ: „Богъ мнѣ это далъ, Онъ же и отнялъ—да будетъ воля Его!“

Когда боснякъ-мусульманинъ заболѣлъ, онъ не призываетъ врача: вѣдь если ему суждено умереть, разсуждаетъ онъ, то онъ все равно умретъ, а нѣтъ—такъ Богъ его исцѣлитъ..... Если же онъ

чувствуетъ приближеніе смерти, то совершенно спокойно зоветъ хаджу (священника), мирно бесѣдуетъ съ нимъ, завѣщаетъ часть своего состоянія на какое-либо богоугодное дѣло, а если богатъ, то и на построеніе мечети. Затѣмъ онъ начинаетъ читать молитву и умираетъ съ именемъ Аллаха на устахъ.

Точно такъ же и окружающіе: всѣ родные собираются, но нѣтъ ни слезъ, ни печали, ни воздыханій.... Всѣ безропотно принимаютъ ниспосланное Богомъ испытаніе и дѣлаютъ что надо: обмываютъ мертвое тѣло, въ носъ, ротъ и уши вкладываютъ вату, чтобы злые духи не проникли туда, обертываютъ въ бѣлый саванъ и въ тотъ же день хоронятъ. Правда, для дѣла жизни такая покорность судьбѣ не годится и даже вредна: человѣкъ, не возмущающійся неправдой, не спорящій со зломъ, не пріумножитъ и добра; но въ тяжкія минуты разставанья съ милыми сердцу она незамѣнима.

Такъ въ одно и то же время просто и торжественно оставляетъ мусульманинъ бренную землю и переходитъ въ жизнь вѣчную.

Рослый, крѣпкій и молодцеватый, боснякъ-христіанинъ не можетъ; однако, похвалиться своей храбростью, чѣмъ существенно отличается отъ другихъ сербскихъ племенъ. Давно утративъ свою свободу, подъ долгимъ гнетомъ своихъ жестокихъ при-

тѣснителей, боснякъ издавна отвыкъ отъ оружія и скорѣе забитъ, чѣмъ смѣлъ. Гнетъ и страхъ связываютъ даже языкъ простолюдина; съ первыхъ же словъ онъ начнетъ вамъ жаловаться на свою жизнь, но рѣчь его сбивчива, какъ будто онъ всегда боится проговориться; этотъ же гнетъ и страхъ убили въ немъ правдивость и пріучили къ лживости, часто совершенно ненужной и неумѣстной—словомъ, несчастная райя какъ бы вѣчно живетъ съ оглядкой. Кромѣ этого боснякъ тяжелъ и неповоротливъ, въ немъ мало предпріимчивости и этими чертами своего характера онъ сильно отличается отъ герцеговинца. Близкое ли сосѣдство съ храбрыми свободными черногорцами имѣло тутъ значеніе, природное ли свойство, — только герцеговинецъ гораздо живѣе, предпріимчивѣе босняка, общественный духъ въ немъ развитъ сильнѣе. Однако босняку нельзя отказать и въ твердости, которое переходитъ въ упорство, когда рѣчь идетъ, напр., объ отмѣнѣ стараго обычая, хотя бы онъ былъ никуда не годенъ. Но разъ дѣло коснется его вѣры, боснякъ будетъ отстаивать ее съ тѣмъ благороднымъ мужествомъ, которое способно удивить наблюдателя; тутъ забывается и общественная рознь, царящая обыкновенно среди босняковъ, — всѣ дружно встаютъ грудью на защиту того, чѣмъ больше всего дорожитъ народъ. Мы уже знаемъ какъ преданы православные сербы своей вѣрѣ и церкви, и при этомъ надо замѣтить,

что поселянинъ гораздо щедрѣе горожанина: онъ готовъ отдать послѣдній грошъ, чтобы только выстроить церковь въ своемъ селѣ, тогда какъ торговецъ-христіанинъ неохотно жертвуетъ и отъ своего избытка.

Кромѣ преданности своей церкви, православный сербъ, гдѣ бы онъ ни жилъ—въ Босніи, Герцеговинѣ, Далмаціи, Венгріи, Сербскомъ королевствѣ—имѣетъ еще одно великое отечество—Сербскую землю. Онъ прекрасно знаетъ, что эта дорогая ему земля раздѣлена между многими правительствами, но въ его представленіи она все-таки существуетъ какъ земля одного православнаго сербскаго народа..... И этимъ онъ рѣзко отличается отъ сербовъ-католиковъ и магометанъ. Каждый православный сербъ имѣетъ свое живое преданіе: онъ знаетъ про сербскаго святителя Савву, про сербскаго царя Душана, про мученика Лазаря и знаменитаго витязя Марка Королевича; корни его теперешней жизни уходятъ въ общую почву и связаны съ прежней исторической жизнью народа. Вотъ почему православные сербы и могли на протяженіи цѣлыхъ 400 лѣтъ удержаться въ Турціи сохранивъ свою вѣру, и это несмотря на страшный гнетъ побѣдителей. Не то мы видимъ у сербовъ-иновѣрцевъ. Принявъ исламъ, люди сербскаго племени тѣмъ самымъ примкнули къ рядамъ своихъ чуждыхъ завоевателей, а сербъ-католикъ впалъ уже въ полную безнародность: онъ не знаетъ серб-

ской старины, не признаетъ сербскаго отечества. Смотря по краю, гдѣ онъ родился, онъ называетъ себя боснякомъ, герцеговинцемъ, далматинцемъ. славонцемъ, и языкъ свой онъ назоветъ не сербскимъ, а босанскимъ, далматинскимъ, славонскимъ и т. д.; кромѣ своей тѣсной области, гдѣ онъ проживаетъ—у него одно только отечество—Римско-католическая церковь. И называетъ—то онъ себя *крштянином*ъ — въ отличіе отъ православнаго серба—*рштянина*, хотя оба эти слова одинаково означаютъ *христіанинъ*.

Есть еще одна прекрасная черта у православнаго поселянина — это его стремленіе къ образованію; не мало людей здѣсь самоучкой научились церковной грамотѣ, всѣ жаждутъ, чтобы дѣти ихъ умѣли читать и писать, и во многихъ мѣстахъ Босніи есть начальныя школы, устроенныя на общія пожертвованія поселянъ, подъ надзоромъ сельскаго священника.

Боспякъ работаетъ не покладая рукъ, любитъ онъ помолиться, но не прочь на досугѣ и повеселиться вволю. Лѣтомъ, въ большіе праздники, народъ стекается къ монастырямъ. Еще наканунѣ, послѣ всенощной, начинается гульба. Во всѣхъ концахъ монастырскаго двора образуются *кола* (хороводы) и *игранья*; въ „колѣ“ мужчины и женщины, взявшись за руки, мѣрно ходятъ кругомъ, распѣвая свои протяжныя пѣсни; въ „играньи“ же участвуютъ почти одни только мужчины: составивъ

кругъ и держась за руки, они пляшутъ изогнувшись впередъ и топая ногами, подъ пискливые звуки *диплей* (волынки). Въ пограничныхъ съ Сербіей мѣстностяхъ часто на праздники эти являются и мѣстные *пандуры* [1]), принимающіе участіе въ пляскѣ. И если вы попадете въ такую пеструю веселящуюся толпу и сравните боснякa или герцеговинца съ *сербіанцемъ* [2]), то вы будете поражены огромной разницею между ними: что за смѣлость, ловкость и беззавѣтное веселье въ движеніяхъ пришлыхъ гостей въ сравненіи съ неуклюжею, унылою робостью этихъ забитыхъ бывшихъ турецкихъ, а нынѣ австрійскихъ подданныхъ! Да и неудивительно: гнетъ и страхъ отучаютъ человѣка и отъ веселья; такъ и босняки чуть было не забыли общее всѣмъ славянамъ коло; только сравнительно недавно опо стало воскресать у нихъ. Прежде не было монастырей, а стало быть и тѣхъ многолюдныхъ сборищъ при нихъ, на которыхъ народъ больше всего и предается увеселеніямъ; у себя же въ селахъ угнетенная райя рѣдко смѣла заводить коло, развѣ только въ болѣе независимыхъ округахъ у черногорской границы. Даже и пѣсни пѣлись въ одиночку, безъ всякихъ признаковъ веселья.....

Любопытную картину представляетъ теперь эта веселящаяся ночью толпа. Костры и мѣстами про-

---

[1]) Солдаты пограничной стражи.

[2]) Такъ туземцы называютъ жителей Сербскаго королевства въ отличіе отъ прочихъ сербовъ.

сто лучины ярко вспыхиваютъ, освѣщая ближайшее пространство монастырскаго двора и отбрасывая отъ себя длинныя причудливыя тѣни, въ которыхъ люди кажутся какими-то сказочными движущимися существами. Протяжныя сербскія пѣсни наполняютъ воздухъ на далекое разстояніе; ихъ однообразный строгій напѣвъ производитъ величественное впечатлѣніе на непривычнаго слушателя. Эти народныя пѣсни, которыя знаетъ и поетъ каждый православный сербъ, сослужили хорошую службу боснякамъ: это тѣ самыя преданія, которыя среди безотраднаго настоящаго связываютъ народъ съ его далекимъ славнымъ прошлымъ и даютъ надежду на лучшее будущее. На каждомъ шагу медленно движутся хороводы; вотъ вдругъ выдѣлится одинъ голосъ, пропоетъ какой-то стихъ и все коло отвѣчаетъ ему дружнымъ смѣхомъ. А тамъ здоровые рослые *момки* (парни) стоя попарно съ *дьвойками* (дѣвицами) весело балагурятъ и подъ общій шумъ обмѣниваются своими признаніями. Появляется и подбадривающая ракія (водка), сопровождаемая здравицами и всевозможными пожеланіями. Такъ пируютъ босняки всю ночь напролетъ, не смыкая глазъ, а на разсвѣтѣ идутъ прямо къ заутренѣ, за которой тотчасъ слѣдуетъ и обѣдня.

Есть у герцеговинцевъ и босняковъ обычай совершенно чуждый для насъ: это такъ называемое *посестримство* и *побратимство*. Этотъ старинный обычай доказываетъ уваженіе сербовъ къ

своимъ женщинамъ и идетъ съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда народу приходилось вѣчно отстаивать свое существованіе. Стопло, напр., женщинѣ спасти босняка во время схватки или оказать какую-нибудь другую важную услугу въ трудную минуту жизни, какъ онъ въ благодарность предлагалъ ей „посестримство“, т.-е. заключеніе братскаго союза. И женщина съ своей стороны можетъ предложить мужчинѣ „побратимство“, называя его тогда „побратимомъ“, а онъ ее „посестримой“. Любовь между ними непоколебима до гробовой доски, они оказываютъ другъ другу всякую помощь въ жизни и малѣйшая измѣна считается величайшимъ позоромъ, вызывая всеобщее презрѣніе.

Этотъ трогательный обычай особенно процвѣталъ въ старину. Заключеніе братскаго союза обставлялось большою торжественностью: братающіеся призывали священника и предъ иконой св. Іоанна клялись въ вѣчной вѣрности другъ другу; послѣ этого священникъ прочитывалъ молитву, а заключившіе союзъ трижды цѣловались. Отношенія между ними были чисто братскія, но духовное родство это считалось настолько близкимъ, что ихъ братья и сестры не имѣли права вступать между собою въ бракъ. Этотъ древній обычай сохранился здѣсь не только у православныхъ сербовъ, но даже и у магометанъ, хотя въ наше время встрѣчается все рѣже.

Чтобы покончить съ нравами населенія, надо еще сказать, что боснякъ хорошій семьянинъ, онъ добродушенъ, гостепріименъ и отличается тѣмъ природнымъ поэтическимъ духомъ, которымъ такъ одарены всѣ славяне вообще. И если жизнь его лучшится, то несомнѣнно исчезнутъ и дурныя его качества, порожденныя вѣчнымъ страхомъ и гнетомъ; исчезнетъ и духъ несогласія въ народѣ, который убиваетъ всякое стремленіе къ общей пользѣ и уступитъ мѣсто дружной совмѣстной работѣ.

ГЛАВА VI.

Управленіе въ Босніи и Герцеговинѣ прежде и теперь. Австрійскіе чиновники.—Тайная и явная полиція.—Правосудіе и судьи.

Въ прежнее время, когда босняки и герцеговинцы еще стонали подъ турецкимъ игомъ, города и отдѣльные округа находились подъ управленіемъ *капетановъ*. На эти должности назначались, обыкновенно, именитые мусульманскіе беги, власть которыхъ была наслѣдственна и переходила отъ отца къ сыну. Исключеніе составлялъ лишь Травникъ, [1]) гдѣ находился султанскій визирь, [2]) да Сараево—гдѣ постоянно стояло султанское войско. Вся остальная страна была раздѣлена между

---

[1]) Городъ въ Герцеговинѣ.
[2]) Губернаторъ, главный правитель.

помѣщиками-мусульманами, которые именемъ султана взимали подати съ кметовъ (земледѣльцевъ); но за то эта взысканная турецкимъ правительствомъ знать по первому требованію капетановъ обязана была являться въ назначенное мѣсто съ отрядами воиновъ, снаряженныхъ на свой собственный счетъ. Однако беги не всегда были покорными подданными султана: въ самомъ концѣ XVIII вѣка, когда Турція обезсилѣла отъ цѣлаго ряда войнъ съ Австріей, они стали почти совершенно независимыми отъ нея, оказывая нерѣдко открытое неповиновеніе. Такъ было, какъ мы уже знаемъ, въ 1831 г. когда знаменитый „боснякскій змѣй“ капетанъ Гуссейнъ повелъ возмутившихся босняковъ на султанскія войска, побѣдоносно разбилъ ихъ и нѣкоторое время былъ истинной грозой турокъ.

Нечего говорить, что благополучіе христіанъ-земледѣльцевъ всецѣло зависѣло отъ помѣщиковъ и положеніе ихъ было самое плачевное. А мѣстныя власти ухудшали его еще больше, прибѣгая ко всякаго рода истязаніямъ, лишь бы только заставить во время уплачивать налоги: они подвѣшивали несчастныхъ крестьянъ къ деревьямъ какъ разъ надъ кострами, или въ зимній холодъ привязывали ихъ голыми къ столбамъ, поливая водой окоченѣвшіе члены, пока они не покрывались ледяною корой... Порою случалось, что выведенные изъ терпѣнія, сельскіе старшины набирались хра-

брости и пытались жаловаться. Явившись въ конакъ [1]) генералъ-губернатора, они кидались ему въ ноги и описывали бѣдность и разореніе земледѣльцевъ; иногда они добивались тѣмъ нѣкотораго уменьшенія налоговъ. Но дерзость эта не проходила имъ даромъ: оскорбленные беги и мѣстныя власти напускали тогда на несчастныхъ жестокихъ *заптіевъ*. Эти турецкіе жандармы были въ то время еще страшнѣе прежнихъ янычаровъ, такъ какъ правительство очень плохо оплачивало ихъ трудъ. И вотъ они появлялись по деревнямъ, живя на счетъ жителей и немилосердно обирая ихъ.

Не одинъ разъ европейскія государства пытались придти на помощь обездоленнымъ кметамъ, требуя преобразованій у турецкаго правительства; но больше всего противились этому боснійскіе мусульмане, которые усматривали въ этихъ попыткахъ покушеніе на свои исконныя права. Одно время озлобленіе ихъ дошло до того, что они уже явно стали готовиться къ поголовному истребленію христіанъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Но тутъ въ дѣло вмѣшалась Турція: она послала на беговъ значительное войско подъ начальствомъ одного изъ самыхъ лучшихъ своихъ генераловъ—Омера-паши, хорвата по происхожденію; онъ усмирилъ возстаніе и сумѣлъ снова поднять упавшую было власть султана въ странѣ. И вотъ теперь уже

---

[1]) Дворецъ.

турецкое правительство спохватилось и главныя должности стало замѣщать своими чиновниками—природными турками. Однако не легко здѣсь было новымъ властямъ: вѣдь они не знали сербскаго языка, на которомъ только и говорили всѣ босняки, безъ различія вѣроисповѣданія; поневолѣ имъ приходилось обращаться къ мѣстнымъ бегамъ, когда дѣло касалось внутренняго управленія страной, и это поддерживало значеніе бывшихъ управителей. Нечего говорить, что несчастная райя мало выиграла отъ этой замѣны одного начальства другимъ и попрежнему стонала подъ игомъ обиравшихъ ихъ помѣщиковъ.

Такъ дѣло шло до 1878 г., когда послѣ неоднократныхъ возстаній обездоленныхъ христіанъ, вызвавшихъ подъ конецъ русско-турецкую войну, управленіе босняками и герцеговинцами поручено было, какъ намъ извѣстно, австрійскому правительству. Посмотримъ теперь, что выиграло населеніе отъ своихъ новыхъ, на этотъ разъ уже христіанскихъ властителей.

Взявъ судьбу края въ свои руки, Австрія учредила здѣсь особое управленіе съ императорскимъ намѣстникомъ во главѣ; въ рукахъ его сосредоточивалась гражданская и военная власть. При намѣстникѣ состояло главное управленіе, завѣдывавшее всѣми отраслями администраціи. По въ 1882 г. гражданское управленіе было отдѣлено отъ военнаго, а высшее руководство краемъ было ввѣре-

но императорскому министру финансовъ, барону Вениамину Каллаю. Этотъ извѣстный венгерскій политическій дѣятель былъ горячій сторонникъ утвержденія Австро-Венгріи на Балканскомъ полуостровѣ. Посмотримъ же, что представляли изъ себя австрійскіе чиновники, призванные вершить дѣло управленія краемъ.

Когда Австрія съ разрѣшенія Берлинскаго конгресса заняла Боснію и Герцеговину, она заключила 21-го апрѣля 1879 года соглашеніе съ Турціей, гдѣ на первомъ планѣ говорится:

Статья I. „Управленіе Босніей-Герцеговиной будетъ выполняться Австріей въ силу § 25 берлинскаго договора. Австро-венгерское правительств не видитъ неудобства въ оставленіи на мѣстахъ теперешняго состава чиновниковъ, поскольку они окажутся способными къ исполненію своихъ обязанностей; въ случаѣ же замѣщенія ихъ, предпочтеніе будетъ отдано туземцамъ“.

Казалось бы, самая простая справедливость требовала, чтобы туземцы управлялись не пришлыми людьми, а своими же босняками: зная всецѣло обычаи и нужды народа, такіе чиновники были бы какъ разъ на своемъ мѣстѣ и могли бы приносить дѣйствительную пользу странѣ. Однако на самомъ дѣлѣ австрійское правительство поступило какъ разъ наоборотъ: лишь только состоялось занятіе края, оно признало мѣстныхъ чиновниковъ сразу никуда негодными и замѣстила ихъ иностранцами.

Самыми подходящими исполнителями своей воли Австрія нашла кроатовъ—этихъ ярыхъ противниковъ сербовъ. Правда, кроаты говорятъ почти на томъ же нарѣчіи, какъ и босняки, но всѣ они католики и очень дорожатъ своимъ подданствомъ Австро-Венгріи. Ихъ стали назначать преимущественно на гражданскія должности — въ главное управленіе края, въ вѣдомство народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій; отъ нихъ то и пошли всѣ многочисленныя бѣдствія сербской школы и церкви.

За кроатами слѣдовали поляки, которые главнымъ образомъ пополняли собою судебныя должности. Часть чиновниковъ составляютъ и нѣмцы. Нечего говорить, что способныхъ и образованныхъ людей среди нихъ быть не можетъ: вѣдь такія лица прекрасно пристроятся и у себя на родинѣ и, конечно, не согласятся переходить въ Боснію или Герцеговину. Это по большей части прогорѣвшіе бароны и графы, которые стремятся сюда, чтобы поправить свои пошатнувшіяся дѣла. За ними въ небольшомъ числѣ слѣдуютъ венгры и чехи. И лишь на самыя незначительныя должности—тамъ, гдѣ чиновникъ совершенно не можетъ проявить себя, а долженъ лишь слѣпо исполнять приказанія свыше—призваны были туземцы и то въ самомъ небольшомъ числѣ. Такимъ образомъ мы видимъ, что Боснія и Герцеговина управляются не мѣстными чиновниками, православными или маго-

метанами, а пришлыми иностранцами и главнымъ образомъ католиками.

Но и среди самого чиновничества дѣло обстоитъ не совсѣмъ благополучно: благодаря тому, что это по большей части люди невысокаго нравственнаго уровня, между ними происходитъ вѣчное соперничество, отъ чего опять-таки страдаютъ прежде всего туземные жители. Такъ напр., производство судей зависитъ отъ администраціи, которая дѣлаетъ представленія главному правительству объ ихъ служебной дѣятельности и политическомъ поведеніи. А такъ какъ по своему образованію и умственному развитію судьи стоятъ выше этихъ полицейскихъ чиновниковъ, то между ними царитъ разногласіе и постоянная вражда. Вотъ и случается нерѣдко, что невѣжественные чиновники доносятъ о мало-мальски порядочныхъ судьяхъ, какъ о лицахъ неблагонадежныхъ и требуютъ ихъ отставки. Судейскіе съ своей стороны тоже не остаются въ долгу и платятъ имъ полнымъ презрѣніемъ, избѣгая поддерживать съ ними знакомство. Такимъ образомъ нарушается правильный ходъ дѣла и страдаетъ все управленіе въ странѣ.

Но самый страшный бичъ народа—это полиція, которая неограниченно царитъ въ краѣ. Явная и тайная, и притомъ крайне многочисленная, она проникаетъ повсюду—и въ администрацію, и въ суды, и даже въ частные дома; такъ что смѣло можно сказать, что въ ея рукахъ сосредоточена

вся жизнь населенія. Ни одного шага не можетъ сдѣлать боснякъ безъ разрѣшенія полиціи, а такъ какъ въ Босніи и Герцеговинѣ ей дана правительствомъ огромная власть, то все, конечно, зависитъ отъ ея произвола. Не перечесть всѣхъ несправедливостей и злоупотребленій, которыя позволяетъ себѣ въ краѣ австрійская полиція, и ужаснѣе всего, что правды искать босняку негдѣ—все равно опъ же останется виновать и подвергпется лишь новой мести.

Въ 1896 г. жители Сараева, возмущенные злоупотребленіями властей, рѣшили отправить въ Вѣну депутацію съ жалобой и просьбой о защитѣ. Во главѣ избранныхъ депутатовъ сталъ одинъ мѣстный богатый купецъ, человѣкъ дѣльный и смѣлый. Лишь только онъ вернулся изъ Вѣны, какъ полиція начала давать ему урокъ за урокомъ. Прежде всего закрыли гостиницу, которую содержалъ злополучный купецъ. Все было сдѣлано по формѣ: отъ имени мѣстныхъ властей явились врачъ и инженеръ, тщательно осмотрѣли все заведеніе и рѣшили что оно содержится крайне небрежно, что здоровье жильцовъ въ опасности. На томъ же самомъ основаніи былъ закрытъ и ресторанъ, содержавшійся въ городѣ тѣмъ же купцомъ, объявлены непригодными для жилья три дома его и обречены на сломъ: явились пожарные и сравняли ихъ съ землей. Но этимъ дѣло еще не кончилось для злосчастнаго купца. Рядомъ съ вокзаломъ въ

Сараевѣ онъ владѣлъ огромнымъ садомъ, и вотъ желѣзнодорожное управленіе заявляетъ вдругъ, что ему необходимъ этотъ участокъ; мѣстныя власти немедленно приказываютъ отчудить его съ огромнымъ убыткомъ для владѣльца. И такъ сыпался ударъ за ударомъ не только на этого главу депутаціи, но и на каждаго отдѣльнаго члена ея. Примѣръ этотъ показываетъ насколько безполезно, а главное опасно жаловаться въ Босніи на притѣсненія властей.

Въ административномъ отношеніи страна раздѣлена на 6 округовъ, а послѣдніе на 47 уѣздовъ или *котаровъ;* во главѣ тѣхъ и другихъ стоятъ австрійскіе чиновники. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ участію въ разрѣшеніи дѣлъ призываются почетныя лица изъ мѣстныхъ жителей различныхъ вѣроисповѣданій; такія собранія или совѣты наз. *меджлисами.* [1])

Мы уже знаемъ, что при турецкомъ владычествѣ православному сербу напрасно было бы стучаться въ двери правосудія. Хозяева страны не признавали этого права за презрѣнной христіанской райей. Когда же возмущенные жестокостями турецкихъ властей, несчастные жители начинали обнаруживать малѣйшіе признаки волненія, ихъ гонители заранѣе старались навести на нихъ ужасъ:

---

[1]) Собственно слово это по арабски означаетъ *засѣданіе.* Меджлисы существовали въ странѣ и раньше.

цѣлыми толпами со связанными руками и ногами ихъ немилосердно бросали въ тюрьмы и, конечно, безъ всякаго суда. Страшно подумать, что представляли изъ себя эти первобытныя мѣста заключенія! Въ лучшемъ случаѣ погреба, а по большей части темныя ямы въ землѣ, вонючія и полныя нечистотъ—онѣ дѣйствительно могли отбить всякую охоту искать справедливости. Кукурузный хлѣбъ и вода была единственной пищей заключенныхъ; порою же обходились даже и безъ этой роскоши, считая за лучшее просто уморить несчастныхъ голодною смертью....

Нынѣ населеніе судятъ австрійскіе судьи. Въ округахъ имѣются окружные суды, а въ котарахъ (уѣздахъ) судебная власть предоставлена правительственнымъ чиновникамъ. Въ Сараевѣ находится и верховный судъ: это высшее судебное учрежденіе, куда тяжущіеся, недовольные рѣшеніями другихъ судовъ, переносятъ свои дѣла. У мусульманъ духовныя дѣла разрѣшаются *кадіями*. Это духовныя лица, которые берутъ на себя обязанности и свѣтскихъ судей, они находятся при всякомъ судебномъ учрежденіи: при окружныхъ судахъ полагается по одному кадію, а при верховномъ судѣ въ Сараевѣ ихъ два; судятъ они по шаріату [1]).

Мы уже упоминали, что австрійскіе судьи назначаются правительствомъ и состоятъ въ краѣ

1) Такъ называется писанное право мусульманъ.

подъ наблюденіемъ полицейскихъ чиновниковъ, которые даютъ о нихъ отзывы; отъ послѣднихъ не только зависитъ повышеніе судьи, но и самое пребываніе его на службѣ: захочетъ чиновникъ выжить его—онъ даетъ о немъ отзывъ, какъ о человѣкѣ неблагонадежномъ, играющемъ будто бы въ руку туземцамъ—вотъ судья и получаетъ отставку. Нечего говорить, что такое положеніе вещей не обезпечиваетъ безпристрастія правосудія и неудивительно, что такіе судьи стараются прежде всего угодить правительству. По большей части судебныя мѣста замѣщаются поляками и хотя польскій и сербскій языки оба славянскіе, но они настолько разнятся между собой, что тяжбы ведутся при помощи переводчиковъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что и святое дѣло правосудія, гдѣ во всеоружіи должна стоять одна лишь непоколебимая правда,—всецѣло подчинено въ Босніи-Герцеговинѣ политическимъ разсчетамъ.

ГЛАВА VII.

Народное просвѣщеніе въ Босніи и Герцеговинѣ.—Православныя и магометанскія школы. Борьба съ ними Австріи.—Газеты и журналы.—Строгости австрійской цензуры. — Народное творчество босняковъ и герцеговинцевъ. —Заключеніе.

И донынѣ еще народное просвѣщеніе въ Босніи и Герцеговинѣ стоитъ на довольно низкой

ступени развитія. Турція, въ свое время, мало заботилась объ этой важнѣйшей сторонѣ народной жизни. Во времена ея владычества школьное дѣло находилось исключительно въ рукахъ духовенства различныхъ вѣроисповѣданій, которое открывало и содержало училища своими собственными средствами. Католическіе монахи уже издавна работали въ Босніи на этомъ поприщѣ, считая школу лучшимъ средствомъ для распространенія своей религіи; но среди православнаго населенія они не имѣли большого успѣха, благодаря привязанности его къ своимъ обрядамъ. Однако послѣ занятія края австрійцами дѣятельность римской церкви оживилась, такъ какъ католическая Австрія стала оказывать монахамъ, явное и тайное покровительство. И если новые властители и обратили свое вниманіе на школьный вопросъ, тои тутъ, къ сожалѣнію, поставили себѣ главной цѣлью не духовныя нужды народа, а политику.

Сербская православная школа служитъ въ этомъ краѣ одновременно просвѣтительнымъ и религіознымъ цѣлямъ. Мы уже знаемъ, что церковь въ Босніи-Герцеговинѣ—это душа народа, такъ прочно слились они въ одно цѣлое. Тоже самое можно сказать и о школѣ. Здѣсь церковь и школа идутъ рядомъ, живутъ одной жизнью, содержатся на одни и тѣ же средства. Люди состоятельные, желая сдѣлать наиболѣе богоугодное дѣло, вносятъ вклады на содержаніе школъ или завѣщаютъ съ этой цѣлью

свое имущество. Они знаютъ, что сербская школа призвана блюсти священные народные завѣты и поддерживать православную вѣру, такъ что по праву считаютъ такія пожертвованія глубоко-народнымъ дѣломъ. Въ случаѣ, когда средствъ этихъ не хватаетъ, на помощь являются пособія отъ церкви.

Понятно, почему Австрія, вступивъ въ управленіе страной, не взлюбила православную сербскую школу. Она прекрасно поняла ея значеніе для народа и на ряду съ церковью увидала въ ней главный источникъ патріотизма, [1]) питающій и оживляющій народный духъ. И вотъ Австрія, ненавидящая православіе, справедливо усмотрѣла, что такая сербская школа составляетъ большую угрозу для ея стремленій сломить во что бы то ни стало славянство; она вступила въ борьбу съ нею и внесла въ святое и высокое дѣло просвѣщенія вредную и преходящую политику.

Чтобы нанести рѣшительный ударъ сербской народной школѣ, правительство начало открывать казенныя начальныя училища для дѣтей всѣхъ вѣроисповѣданій, основало три гимназіи, [2]) одиннадцать коммерческихъ училищъ, одно реальное и двѣ гимназіи для дѣтей католиковъ. Все бы это хорошо и могло бы сослужить большую службу туземцамъ, но главное дѣло въ томъ, что своими

---

[1]) *Патріотизмъ*—любовь къ отечеству; отсюда же и слово *патріотъ*, т.-е. человѣкъ, любящій свое отечество.

[2]) Но одной—въ Сараевѣ, Мостарѣ и Допѣ-Тузлѣ.

школами правительство задумало бороться съ народнымъ духомъ сербовъ. Въ сербскихъ школахъ принята была такъ называемая *кириллица*, т.-е. славянская азбука, которую православные босняки по справедливости считаютъ оплотомъ своей сербской народности и смотрятъ на нее, какъ на драгоцѣнный завѣтъ предковъ. Не даромъ на каждой православной школѣ неизмѣнно красуется слѣдующая надпись, изображенная кириллицей: „Сърбско народное училище“. И вотъ правительство прежде всего предписало упразднить славянскую азбуку въ нецерковныхъ школахъ и пользоваться исключительно латинской. Нечего говорить, что православное населеніе пришло въ негодованіе и отказалось благодаря этому посылать своихъ дѣтей въ казенныя школы. Тогда волей-неволей пришлось отмѣнить это распоряженіе, хотя и до сихъ поръ австрійское правительство продолжаетъ коситься на славянскую азбуку... Ко всему этому не надо забывать, что во главѣ мѣстнаго управленія въ Босніи и Герцеговинѣ стоятъ австрійскіе чиновники, которые имѣютъ въ виду не пользу народа, а проводятъ лишь виды и цѣли пославшаго ихъ сюда правительства.

Прежде всего власти стали заботиться о томъ, чтобы въ православныя школы не попадали мѣстные учителя, давая дорогу пришельцамъ изъ Австріи. Цѣль сама собою понятна: нужно было нарушить цѣлос, разъединить школу и народъ. Для

этого мѣстное управленіе издало въ 1892 г. слѣдующій недвусмысленный приказъ: „Каждый учитель, назначенный въ православную сербскую школу, обязанъ предъявить въ мѣстное управленіе, черезъ посредство сельскаго общества, свидѣтельство о своемъ поведеніи; сюда же должно быть приложено и свидѣтельство о политической благонадежности, выданное по мѣсту его жительства подлежащею властью“. Нечего говорить, что объ этото свидѣтельство о благонадежности легче всего споткнуться учителю изъ туземцевъ: вѣдь при подозрительномъ отношеніи Австріи къ православнымъ сербамъ съ увѣренностью можно сказать, что ни одинъ изъ нихъ не получитъ его.

Но этимъ дѣло еще не ограничивается. Предположимъ, что сельское общество облюбовало себѣ учителя и опъ всѣми правдами и неправдами добылъ себѣ необходимое свидѣтельство. Однако такой учитель не имѣетъ еще права приступить къ занятіямъ: онъ долженъ быть прежде утвержденъ правительствомъ. Обыкновенно учительскія мѣста замѣщаются лѣтомъ, когда, казалось бы, времени для утвержденія достаточно. Но австрійское правительство не привыкло торопиться, разъ вопросъ идетъ о православномъ населеніи; нерѣдко случается, что дѣло это тянется три-четыре мѣсяца и пока не получится утвержденіе учитель получаетъ отъ общества жалованье ничего не дѣлая, а дѣти также болтаются безъ дѣла.

Въ настоящее время православные сербы не имѣютъ въ Босніи и Герцеговинѣ не только ни одного высшаго, но даже и средняго учебнаго заведенія. Раньше, при турецкомъ владычествѣ, они имѣли въ Сараевѣ свою семинарію и реальное училище, а въ Мостарѣ богословскій и учительскій институтъ; но во время бурныхъ волненій 1876 года учрежденія эти исчезли. Теперь же всѣ среднія школы въ краѣ принадлежатъ казнѣ и пріемъ въ нихъ православныхъ дѣтей обставленъ довольнотаки суровыми условіями. По закону для перехода изъ начальной школы въ гимназію требуется вступительный экзаменъ, и тутъ дѣтей сербовъ немилосердно проваливаютъ: вѣдь тогда правительство имѣетъ право обрушиться на сербскую народную школу, утверждая что она будто бы и дѣтей подготовитъ какъ слѣдуетъ не въ состояніи... И вотъ родители, изъ желанія добра своимъ дѣтямъ, начинаютъ въ концѣ концовъ сдаваться; все равно, то учителя не утверждаютъ цѣлыми мѣсяцами и ребенокъ болтается безъ дѣла, а то и кончитъ да не попадетъ въ гимназію, поневолѣ, скрѣпя сердце, и отдаютъ дѣтей прямо въ казенныя окружныя школы. Отсюда-то ихъ уже охотно возьмутъ потомъ въ гимназію, такъ какъ казенная школа вѣдь постаралась какъ можно прочнѣе вытравить изъ нихъ народный духъ... Неудивительно, что число учащихся въ народныхъ сербскихъ школахъ уменьшается, а въ австрійскихъ все растетъ.

Пробовали босняки и герцеговинцы бороться съ этимъ зломъ, ходатайствуя объ отмѣнѣ суроваго приказа, но безуспѣшно. Поневолѣ сербская школа стала падать—вѣдь безъ хорошихъ руководителей дѣло тутъ не сдвинется съ мѣста, а суровыя правительственныя распоряженія отняли всякую охоту рисковать своей судьбой даже у самыхъ смѣлыхъ туземныхъ учителей. Поневолѣ сельскимъ общинамъ пришлось выписывать ихъ изъ Австріи; но молодые и мало-мальски способные люди, конечно, не соглашаются покидать родину, предпочитая устраиваться у себя дома. Идутъ лишь старые школьные учителя, безъ достаточной подготовки, которые остались не у дѣлъ у себя на родинѣ. И за неимѣніемъ лучшаго общинамъ приходится ихъ брать, чтобы школа могла хоть съ грѣхомъ пополамъ влачить свое жалкое существованіе. Но какъ бы тамъ ни было, совсѣмъ уничтожить сербскую школу австрійскому правительству пока еще не удалось, несмотря на всѣ хитрыя уловки.

Что касается преподаванія, то сербская школа даетъ лишь самое начальное образованіе. Чтеніе и письмо, счетъ, Законъ Божій—вотъ что проходится въ ней. Для возбужденія и поддержанія народнаго духа, преподаются также и историческіе примѣры, завѣщанные предками. Великіе сербскіе патріоты проходятъ предъ глазами юныхъ учениковъ, вызывая въ нихъ благодарное воспоминаніе и любовь къ своей измученной родинѣ.

Печально здѣсь положеніе и магометанской школы, которая въ свою очередь далеко не пользуется любовью австрійцевъ. Боснякъ или герцеговинецъ-магометанинъ хорошо помнитъ, что въ жилахъ его течетъ сербская кровь. Его предки, промѣнявшіе нѣкогда православіе на исламъ, дали ему новую религію, но не могли вытравить изъ него воспоминанія о его происхожденіи. Когда Австрія въ 1878 г. заняла страну, магометане не хуже православныхъ возстали противъ вооруженнаго нашествія непрошенныхъ благодѣтелей. Зная прекрасно всѣ ущелья, каждую горную тропу, они цѣлыхъ три мѣсяца отражали австрійцевъ, заставляя ихъ терпѣть одно пораженіе за другимъ. Сила сломила и ихъ подъ конецъ, но подчинившись явно, мусульмане все же остаются вѣрными сербами и въ душѣ ненавидятъ своихъ новыхъ властителей. И если эта ненависть не проявляется у нихъ такъ же ярко, какъ у православныхъ сербовъ, то причина тутъ кроется въ ихъ религіи: магометанство развиваетъ вѣру въ предопредѣленіе, учитъ покорности судьбѣ; человѣкъ же, полагающій, что все уже заранѣе предопредѣлено свыше — не годится для жизненной борьбы, онъ не пытается стать грудью на защиту своихъ правъ, а безсильно опускаетъ руки.

Мусульманскія школы въ Босніи и Герцеговинѣ существуютъ двухъ видовъ: начальныя или *мектебе* и высшія или *медресе*. Въ первыхъ дѣти заучива-

ютъ самыя необходимыя молитвы и опредѣленные тексты изъ Корана, но не понимая арабскаго языка, дѣлаютъ это безсознательно, наобумъ. Сидя по восточному обычаю на полу, поджавъ подъ себя ноги, ученики безсмысленно повторяютъ хоромъ непонятныя для нихъ слова вслѣдъ за учителемъ-хаджою [1]). Суевѣрный и невѣжественный, этотъ руководитель юношества и самъ до-нельзя слабъ въ своей наукѣ: онъ знаетъ лишь то немногое, что унаслѣдовалъ когда-то отъ своихъ невѣжественныхъ же предковъ... Содержатся эти начальныя школы, числомъ до полутора тысячъ, на доходы съ вакуфныхъ (церковныхъ) имѣній, австрійское же правительство имѣетъ лишь надзоръ за ними, не затрачивая ни гроша.

Высшія школы или медресе́ даютъ уже болѣе широкое образованіе, но опять-таки съ точки зрѣнія магометанской. Тутъ Коранъ изучается уже во всѣхъ своихъ подробностяхъ, такъ же, какъ и толкованія на него. Какъ извѣстно, эта священная книга магометанъ заключаетъ въ себѣ не только вопросы вѣры, но обнимаетъ и всѣ стороны человѣческой жизни. На каждый случай, какъ бы маловаженъ онъ ни казался—Коранъ даетъ ука-

---

[1]) Священникомъ. Собственно слово „хаджи“ по-арабски означаетъ *совершившій хаджъ*, т.-е. паломничество. У мусульманъ паломничество пользуется вообще большимъ уваженіемъ, но побывавшему на богомольѣ въ Меккѣ воздается самый большой почетъ и къ собственному имени его прибавляется слово „хаджи“.

запія и совѣты. Вотъ любопытный примѣръ: мышь по магометанскимъ законамъ считается животнымъ нечистымъ и стоитъ ей попасть въ котелъ, какъ онъ уже тѣмъ самымъ становится поганымъ и не годится для употребленія. Однако разсчетливой хозяйкѣ жалко бросить его, и вотъ тотъ же мудрый законъ приходитъ ей на помощь: „Если—говоритъ Коранъ—котелъ, въ который попала мышь, собака, или другая какая-либо нечисть, и сдѣлавшійся отъ этого поганымъ — трижды накалить, трижды вымыть и трижды высушить, то онъ снова станетъ чистымъ“. И на ряду съ такой мелочью, всѣ судебныя дѣла—гражданскія и уголовныя, семейныя отношенія, всѣ сношенія людей между собой — все предусмотрѣно этой священной книгой и все это изучается въ медресе́. Строятся, обыкновенно, такія высшія учебныя заведенія при мечетяхъ, на пожертвованія благочестивыхъ лицъ. Учащіеся живутъ здѣсь на всемъ готовомъ; каждому отводится крошечная келья, гдѣ обитатели должны сами готовить себѣ пищу. Хотя учащіеся въ медресе́ дѣлятся на три класса—младшій, средній и старшій,—но экзаменовъ при переходѣ изъ одного класса въ другой не полагается, а дѣло ведется по числу выученныхъ книгъ: окончилъ ученикъ извѣстную книгу — онъ принимается за другую и тѣмъ самымъ считается уже въ высшемъ классѣ. Да, собственно говоря, къ заучиванію наизусть опредѣленнаго числа книгъ и сводится здѣсь

все обученіе. Много лѣтъ проводитъ въ медресе́ будущій ученый, пока, наконецъ, не вступитъ въ жизнь: вѣдь опредѣленнаго срока для пребыванія въ каждомъ классѣ не существуетъ, а даровая жизнь позволяетъ засиживаться безъ особыхъ колебаній. По выходѣ учащіеся занимаютъ мѣста въ рядахъ судей, высшаго духовенства, учителей въ медресе́ и проч.

Со времени занятія края Австрія неоднократно пыталась завлечь магометанскихъ дѣтей въ свои школы, разсчитывая сдѣлать ихъ впослѣдствіи своими вѣрными приверженцами. Однако всѣ эти усилія разбивались о неизмѣнное упорство магометанъ. Мусульманскіе сербы прекрасно понимаютъ, что австрійское правительство заботится тутъ не объ образованіи ихъ дѣтей, а о своихъ собственныхъ выгодахъ. Они боятся, что вступивъ въ казенную школу, дѣти утратятъ впослѣдствіи не только свою народность, но и религію, и предпочитаютъ открывать свои собственныя. Есть, однако, магометанская школа, которую поддерживаетъ австрійское правительство: это школа Шаріата или мусульманскаго права въ столицѣ Босніи—Сараевѣ. Дѣлаетъ она это не безкорыстно, а по необходимости: всѣ тяжбы по семейнымъ дѣламъ, о правахъ наслѣдства — разбираются у магометанъ исключительно по шаріату. А такъ какъ Австрія, вступивъ въ управленіе краемъ и вводя въ него свое законодательство сразу не рѣшилась уничто-

жить этотъ старинный законъ, то задумала подчинить себѣ хотя будущихъ судей. Для этого она прежде всего позаботилась, чтобы въ школу Шаріата поступали лишь сыновья самыхъ знатныхъ беговъ; по окончаніи курса они поступаютъ на службу къ правительству и поневолѣ становятся его вѣрными исполнителями.

Итакъ мы видимъ, что картина народнаго просвѣщенія въ Боснiи и Герцеговинѣ не изъ веселыхъ. А между тѣмъ деньги, затрачиваемыя австрійскимъ правительствомъ на тѣ школы, отъ которыхъ открещиваются сербы—православные и магометане—берутся вѣдь изъ доходовъ страны, т.-е. все съ того же угнетаемаго народа. И если взять, напримѣръ, въ сравненіе Болгарію, которая зажила свободной жизнью какъ разъ съ того же самаго времени, какъ Австрія взяла подъ свою опеку Боснію и Герцеговину, то разница получится огромная. Предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, самостоятельная Болгарія успѣла за эти 30 лѣтъ упрочить не только начальное и среднее образованіе въ странѣ, но и создать въ Софіи [1]) университетъ; босняки же и герцеговинцы до сихъ поръ еще борятся за свою гонимую властями начальную школу. И это тѣмъ болѣе обидно для народнаго сознанія, что населеніе видитъ, какъ страна ихъ тратитъ на народное образова-

---

[1]) Столица Болгаріи.

ніе втрое больше, чѣмъ сосѣднія славянскія государства, пользующіяся свободой.

Австрія считается одной изъ образованныхъ странъ въ Европѣ. Газетное и журнальное дѣло процвѣтаютъ въ ней, а это, какъ извѣстно, является лучшимъ показателемъ образованности народа. Занявъ 30 лѣтъ тому назадъ Боснію и Герцеговину, австрійское правительство задумало насадить газетное дѣло и въ этой странѣ, гдѣ оно отсутствовало при владычествѣ турокъ. Все бы это прекрасно, и австрійцевъ можно было бы только благодарить за заботу о просвѣщеніи народа, который стоитъ гораздо ниже ихъ по образованію. Но бѣда въ томъ, что и тутъ на первомъ планѣ была поставлена политика, стояли личныя выгоды, и вмѣсто пользы получился лишь вредъ.

Вскорѣ послѣ занятія края въ Сараевѣ появилась газета „Просвѣтъ“, издававшаяся на сербскомъ языкѣ. Затѣяли ее мѣстныя власти и пользовалась она щедрыми пособіями отъ правительства. Возникла эта газета какъ разъ въ то время, когда шли серьезныя разногласія между мѣстными властями и почитаемымъ народомъ митрополитомъ Саввой Коссановичемъ. Этотъ достойный пастырь горячо противился цѣлямъ Австріи, выступилъ въ защиту своего народа, чѣмъ и навлекъ на себя немилость высшихъ міра сего. Едва народившись, „Просвѣтъ“ открылъ немилосердную травлю про-

тивъ почитаемаго митрополита, стараясь уронить его въ глазахъ уважавшей его паствы. Въ ходъ была пущена клевета, всегда, какъ извѣстно, находящаяся на службѣ у неправды. Посыпались всевозможныя обвиненія, пока дѣло не приняло такого рода оборота, что митрополита отрѣшили отъ должности и изгнали изъ родной страны... Вмѣстѣ съ этимъ исчезла и газета: вѣдь цѣли своей она добилась, а влачить жалкое существованіе не имѣло смысла, такъ какъ сербы совсѣмъ не читали ее.

Но вскорѣ властямъ опять понадобились темныя средства и въ 1891 г. появилась новая газета—„Напредакъ“ [1]). Въ то время между православными сербами и мусульманами царило въ Сараевѣ полное согласіе. Вотъ правительство и надумало натравить ихъ другъ на друга, а тамъ, воспользовавшись ихъ распрей, и привлечь кой-кого на свою сторону. Вначалѣ искусно задуманный планъ и началъ было удаваться, но вскорѣ благоразумные люди спохватились: они поняли какую игру затѣяло правительство и начавшіяся распри прекратились. Послѣ двухъ лѣтъ позорнаго существованія исчезла и газета.

Въ настоящее время въ Босніи есть нѣсколько газетъ, издается одна и въ Мостарѣ — столицѣ Герцеговины. Всѣ онѣ занимаются не тѣмъ, чтобы

---

[1]) Слово это по-сербски означаетъ „*Прогрессъ*“, т.-е. совершенствованіе, движеніе впередъ.

освѣщать важные для народной жизни вопросы, а стараются лишь восхвалять дѣятельность мѣстныхъ властей; такъ что иностранецъ, не знающій истиннаго положенія вещей, можетъ подумать, что Боснія и Герцеговина—это райскій уголокъ, гдѣ справедливость и законность стоятъ превыше всего... Впрочемъ, на иностранныя государства, главнымъ образомъ, и разсчитана такая угодническая печать: не важно, что босняки и герцеговинцы стонутъ подъ игомъ всевозможныхъ притѣсненій и чрезмѣрныхъ налоговъ, за то Европа можетъ быть спокойна, что передала ихъ въ надежныя руки...

Кромѣ газетъ есть въ Босніи и журналы, при чемъ одинъ изъ нихъ чисто сербскій. Зато ему приходится постоянно быть на-сторожѣ, такъ какъ цензура [1]) въ Босніи неумолима: она безжалостно вычеркиваетъ даже малѣйшій намекъ на какое-либо событіе изъ сербской исторіи, не говоря уже о болѣе серьезномъ. Редакторамъ [2]) журнала приходится терпѣть вѣчныя придирки, выдерживать постоянныя столкновенія съ цензурой, и не у одного изъ нихъ въ концѣ концовъ опускались руки. Такъ усердно заботится Австрія о просвѣщеніи опекаемыхъ ею народовъ...

---

[1]) *Цензурой* называется учрежденіе, которое разсматриваетъ газеты, журналы и другія печатныя произведенія, назначенныя къ выпуску въ свѣтъ.

[2]) *Редакторъ*—лицо, завѣдующее газетой или журналомъ.

Что касается собственно литературы боснякovъ и герцеговинцевъ, то она развита очень слабо, несмотря на одаренность народа. Бѣдность. вѣчныя гоненія и борьба не способствуютъ творческимъ порывамъ, не окрыляютъ духа въ поискахъ за поэтическими образами. Время отъ времени создавались пѣсни, полныя описанія народныхъ страданій и гоненій, воспѣвавшія былую свободу и тоску по независимости. Изрѣдка появлялись въ краѣ и лѣтописцы, съ рѣдкой простотой и безъискусственностью описывавшіе происходившія на ихъ глазахъ событія. Изъ нихъ особенно выдвинулся мостарскій архимандритъ Іоанникій Памучина, изобразившій дѣла Герцеговины подъ двадцатилѣтнимъ самовластнымъ управленіемъ Али-паши Ризванбеговича. Кромѣ того написалъ „Лѣтопись Герцеговины“ (съ 1831 по 1857 годъ) и мѣстный православный монахъ Прокопій Чокорило. Но больше всѣхъ прославилась знаменитая боснійская женщина Стака Скендерова, написавшая „Лѣтопись Босніи“ за время съ 1825 по 1856 годъ, гдѣ она приводитъ событія, разыгравшіяся на ея глазахъ.

Ни одинъ православный боснякъ не заслуживаетъ въ такой мѣрѣ названія истиннаго гражданина своей родины, какъ эта необыкновенная боснійская женщина. Дочь мелкаго торговца, переселившагося изъ Прѣполя [1]) въ Сараево, Стака

[1]) Городъ въ Герцеговинѣ.

Скендерова еще ребенкомъ рвалась къ ученію несмотря на то, что въ то время грамотность считалась въ Босніи совершенно излишней роскошью для женщинъ. Тѣмъ не менѣе богато одаренная отъ природы, Стака лучше всякаго священника изучила церковныя книги, которыя тогда служили единственнымъ предметомъ чтенія въ странѣ. И вотъ вся жизнь этой незаурядной женщины получаетъ самое необыкновенное направленіе.

Въ Босніи не рѣдкость, что какъ христіане, такъ и мусульмане одѣваютъ своихъ малолѣтнихъ дочерей по-мужски. Такъ было и со Стакой Скендеровой. Но выйдя изъ дѣтскаго возраста и сдѣлавшись взрослой дѣвицей, она уже добровольно не снимаетъ мужского платья, которое открываетъ ей доступъ туда, куда въ Босніи не можетъ проникнуть женщина. Этимъ молодая дѣвушка какъ бы заранѣе отреклась отъ замужества и показала, что узкая затворническая жизнь боснійскихъ женщинъ не удовлетворяетъ ее. Теперь, въ мужскомъ платьѣ, она получила возможность свободно посѣщать общество мужчинъ и какъ это ни странно звучитъ для русскаго уха — даже церковь: въ Босніи дѣвушки и молодыя женщины ходятъ въ церковь лишь во время говѣнія да иногда въ самые большіе праздники, ходить же на богослуженіе въ иные дни считается здѣсь прямо зазорнымъ. Влеченіе къ Богу было такъ сильно въ этой необыкновенной дѣвушкѣ, что будь въ Босніи женскій

монастырь, она, всего вѣроятнѣе, сдѣлалась бы монахиней.

Одно время Стака Скендерова читала даже въ церкви Апостола: по сербскому обычаю обязанность эта возлагается не на взрослаго человѣка, какъ у насъ, а на юношу; грамотнаго же юноши въ Сараевѣ въ ту пору не оказалось между православными. Въ 1841 г. въ семьѣ ея произошло событіе, еще болѣе усилившее въ ней религіозное настроеніе: мусульмане подвергли жестокимъ пыткамъ ея брата, который такъ и остался безпомощнымъ калѣкой; цѣлыхъ два года, до самой смерти своей, онъ оставался на попеченіи любящей сестры и несчастіе это еще болѣе укрѣпило въ ней желаніе посвятить себя Богу. Своей готовностью приходить на помощь своимъ единовѣрцамъ, своей богобоязненностью—Стака Скендерова такъ широко прославилась въ Босніи, что православные поселяне со всѣхъ сторонъ стекались къ ней съ своими дѣлами, прося ея совѣтовъ. Эта неутомимая женщина научилась говорить по-турецки, получила доступъ не только въ гаремы, но и въ мужскіе покои турецкихъ домовъ; тамъ не разъ заступалась она съ успѣхомъ предъ властями за своихъ единовѣрцевъ, среди которыхъ больше всего сочувствовала она обездоленному сельскому люду.

Но главной мечтой этой народной печальницы было положить начало женскому образованію въ

Босніи. Благодаря помощи одной благотворительницы мечта эта впослѣдствіи осуществилась и Стака Скендерова открыла въ Сараевѣ дѣвичью школу, гдѣ сама и занималась съ дѣтьми. Однако всего больше прославилась эта богато одаренная женщина своей знаменитой „Лѣтописью Босніи“, въ которой она увѣковѣчила современную ей исторію родины. Начало здѣсь составлено со словъ ея старшихъ родственниковъ и друзей, а дальнѣйшія событія она описываетъ уже по собственнымъ воспоминаніямъ. Мы уже упоминали, что босняки, какъ и всѣ сербы, одарены отъ природы большимъ поэтическимъ вымысломъ: тутъ каждый человѣкъ знаетъ пѣсни и поетъ ихъ. Въ долгіе зимніе вечера дѣвушки собираются и поютъ пѣсни, которыя нерѣдко тутъ же впервые и приходятъ имъ на умъ. Такъ и Стака Скендерова: вначалѣ лѣтопись ея носитъ еще повѣствовательный характеръ, но мало-по-малу онъ переходитъ въ пѣсенный складъ. Мѣстами опять какъ бы прорывается обыкновенная рѣчь, но потомъ пѣснь льется уже непрерывнымъ потокомъ. И такимъ образомъ эта замѣчательная дѣвушка рисуетъ картину страданій своей родины за цѣлыхъ тридцать лѣтъ.

Въ другихъ областяхъ босняки и герцеговинцы не дали великихъ писателей и пользуются въ этомъ отношеніи общей сербской литературой, которую они считаютъ своею. Но повторяемъ: отъ природы народъ этотъ настолько даровитъ, что ничто не мѣшаетъ ему выдвинуть въ будущемъ знаменитыхъ

художниковъ слова, разъ только этому будутъ благопріятствовать условія его жизни.

Простимся же съ родственными намъ босняками и герцеговинцами. Теперь, когда мы уже познакомились съ ихъ прошлою жизнью, полною тяжкихъ страданій и борьбы, съ ихъ настоящимъ безотраднымъ положеніемъ — мы поймемъ, почему такъ всполошились сербы и черногорцы, едва вѣсть объ окончательномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи дошла до нихъ. Какъ ближайшіе сосѣди и родственные по племени, они хорошо знаютъ что дало до сихъ поръ австрійское управленіе краю: подъ видимымъ благополучіемъ скрывается невѣжество и разореніе народа, а изъ тѣхъ новшествъ, которыя введены въ краѣ, пользу извлекаютъ не коренные жители, оплачивающіе ихъ изъ своего кармана, а то же австрійское правительство. Кромѣ того для Сербіи присоединеніе этого края имѣетъ еще жизненное значеніе: до сихъ поръ Австрія окружала ее лишь съ двухъ сторонъ, теперь же она является ея сосѣдкой и съ третьей. Стоитъ только взглянуть на карту Балканскаго полуострова, чтобы увидать насколько невыгодно географическое положеніе Сербіи: ей нуженъ выходъ къ Адріатическому морю, о чемъ она мечтаетъ уже десятки лѣтъ. Запертая теперь съ трехъ сторонъ австро-венгерскими владѣніями ея торговля исключительно находится въ рукахъ этой сильной сосѣдки, которая во всякое время

можетъ взять ее изморомъ: захочетъ Австрія — и помѣшаетъ ея сношеніямъ съ Западной Европой. чѣмъ она уже неодпократно и пользовалась раньше, объявляя сербамъ таможенную войну... И вотъ Сербія трепещетъ за свое будущее: она боится, что Австрія будетъ забираться все дальше въ глубь Балканскаго полуострова. что поглотивъ Боснію и Герцеговину, она обратитъ свои завистливые взоры и на нее...

Нельзя однимъ росчеркомъ пера, однимъ императорскимъ указомъ вычеркнуть босняковъ и герцеговинцевъ изъ исторіи и заставить ихъ забыть о своемъ происхожденіи. Какъ бы ни угнетать народъ, но разъ живъ въ немъ духъ, живы дорогіе завѣты предковъ—трудно поработить его, хотя бы онъ былъ и малочисленъ. И этотъ споръ—неравный споръ — между маленькими славянскими народностями и великой католической державой еще не рѣшенъ окончательно. Еще предстоитъ международный судъ, который пока что налаживается туго. Но при равнодушіи Европы онъ можетъ и не состояться и нѣтъ сомнѣній, что о былой свободѣ босняковъ и герцеговинцевъ рѣчи больше быть не можетъ. Все, о чемъ они могутъ мечтать—это о самоуправленіи, которое вознаградитъ ихъ за страдальческое прошлое, дастъ возможность развить таящіяся въ нихъ силы и пріобщитъ къ семьѣ образованныхъ народовъ. Этого-то мы отъ души и пожелаемъ имъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр

ГЛАВА I.—Присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австро-Венгріи.—Прошлая жизнь этихъ странъ подъ турецкимъ владычествомъ.—Возстанія.—Русско-Турецкая война и ея значеніе для босняковъ и герцеговинцевъ.—Австрійское управленіе . . . . . 3.

ГЛАВА II.—Гдѣ находятся Боснія и Герцеговина?—Границы области.—Климатъ. — Народонаселеніе. — Занятія жителей . . . . . 21.

ГЛАВА III.—Религія боснняковъ и герцеговинцевъ. — Главнѣйшіе праздники православнаго населенія.—Суевѣрія и предразсудки . . . . . 45.

ГЛАВА IV.—Внѣшній видъ Сараева.—Устройство жилища въ Босніи и Герцеговинѣ.—Одежда и пища . . . . . 65.

ГЛАВА V.—Сватовство, свадьба и похороны. — Характеръ боснняковъ и герцеговинцевъ.—Нравы.—Побратимство и посестримство . . . . . 90.

ГЛАВА VI.—Управленіе въ Босніи и Герцеговинѣ прежде и теперь.—Австрійскіе чиновники. — Тайная и явная полиція.—Правосудіе и судьи . . . . . 109.

ГЛАВА VII.—Народное просвѣщеніе въ Босніи и Герцеговинѣ. — Православныя и магометанскія школы. — Борьба съ ними Австріи.—Газеты и журналы.—Строгости австрійской цензуры. — Народное творчество боснняковъ и герцеговинцевъ.—Заключеніе. . . . . 119.

ЧЕРНОГОРІЯ и ЧЕРНОГОРЦЫ. Съ рисунк. Моск. 1909 г. Ц. 60 к.

Глава I. Происхожденіе Черногоріи.—Ея прошлая исторія—Князья и митрополиты.—Возстановленіе свѣтской власти. Глава II. Гдѣ лежитъ Черногорія.—Ея поверхность.—Климатъ.—Занятія жителей. Глава III. Вѣрованія черногорцевъ.—Праздники.—Суевѣрія и предразсудки. Глава IV. Жилище, одежда и пища. Глава V. Сватовство, свадьба и похороны. Глава VI. Какъ управляются черногорцы.—Судъ.—Воспитаніе и обученіе.—Нравы.—Народныя сказанія.

ЭСТЫ, ихъ жизнь и нравы. Съ рисунками. М. 1908 г. Ц. 15 к.

Глава I. Прошлая жизнь эстовъ. Ихъ занятія и хозяйственное положеніе. Глава II. Вѣрованія эстовъ.—Суеверія.—Праздники и развлеченія.—Народныя сказанія. Глава III. Жилище, одежда и пища у эстовъ. Глава IV. Сватовство, свадьба и похороны.—Глава V. Семейныя отношенія у эстовъ.—Народное образованіе и сельское управленіе.

Какъ живутъ САРТЫ. Съ рисунками. М. 1908 г. Ц. 30 к.

Глава I. Общій видъ Туркестана.—Поля и ихъ орошеніе. Глава II. Вѣрованія сартовъ.—Праздники и посты. Суевѣрія.—Глава III. Жилище, одежда и пища. Глава IV. Сватовство.—Свадьба.—Похороны и поминки. Глава V. Чѣмъ занимаются сарты? Глава VI. Воспитаніе и обученіе.—Народный судъ.—Жизнь при хапахъ.—Нравы и обычаи.

Цѣна **60** коп.